

Петер Бранг

РОССИЯ НЕИЗВЕСТНАЯ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
ВЕГЕТАРИАНСКИХ ОБРАЗОВ ЖИЗНИ
С НАЧАЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Петер Бранг

**Россия неизвестная: История
культуры вегетарианских образов
жизни с начала до наших дней**

«Языки Славянской Культуры»

2006

Бранг П.

Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни с начала до наших дней / П. Бранг — «Языки Славянской Культуры», 2006

Россия имеет долгую традицию безмясного питания в периоды поста. Тем не менее современное вегетарианство, возникшее на Западе в середине XIX в. и переживающее теперь замечательный ренессанс, пришло к ней только в 1890–е годы. Благодаря влиянию Л. Н. Толстого, а также деятельности таких ученых, как А. Н. Бекетов и А. И. Воейков, в России до Первой мировой войны образовалось мощное вегетарианское движение. В книге впервые подробно, на основе архивных материалов, раскрывается его история. Показывается эхо вегетарианских идей в сочинениях Лескова, Чехова, Арцыбашева, В. Соловьева, Натальи Нордман, Наживина, Маяковского, а также художников Паоло Трубецкого, Репина, Ге и многих других. Изображаются судьбы вегетарианских обществ, ресторанов, журналов, отношение к вегетарианству врачей; прослеживаются тенденции в развитии этого движения вплоть до его подавления после 1917 года, когда вегетарианские концепты продолжали существовать только в «научной утопии» и в «научной фантастике».

© Бранг П., 2006

© Языки Славянской Культуры, 2006

Содержание

Предисловие	5
Предисловие к немецкому изданию	6
I. ВВЕДЕНИЕ	7
II. К ПРЕДЫСТОРИИ: ЭТИКА ОТРЕЧЕНИЯ В ЦЕРКВИ И СЕКТАХ	11
Экскурс: Г. Р. Державин и пост	19
III. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР	21
Экскурс: К истории терминологии	27
IV. РАННИЕ ПОПЫТКИ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ	31
1. Первый манифест: А. Н. Бекетов	31
2. Вегетарианец в сибирской ссылке? Н. Г. Чернышевский	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Петер Бранг

Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней

Предисловие

Автор этой книги очень рад, что теперь она выходит и в русском издании. С самого начала книга предназначалась для русского читателя. Именно ему она хочет вернуть аспект русской культурной истории, оказавшийся на долгое время забытым. Русское издание, в сравнении с немецким оригиналом, несколько расширено: в него были включены отдельные факты и тексты, которые могут вызвать интерес в первую очередь у русского читателя. Перевод книги, опирающийся на очень разнообразные стили использованных русских источников, был осуществлен Анной Бернольд совместно с автором. Оба переводчика весьма благодарны Михаилу Дымарскому (Санкт—Петербург) за чтение большей части рукописи и внесение многих поправок. Наконец, автор выражает искреннюю признательность издательству «Языки славянской культуры» за включение книги в свою программу.

Указание к принятой системе цитирования источников: Русские вегетарианские журналы: после знаков сокращения *ВО*, *ВВ* следуют год издания, двоеточие, номер выпуска и после пробела – указание страницы.

К полному собранию сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (1928–1958) отсылает сокращение *ПСС*, за ним следует номер тома и после двоеточия – указание страницы.

Предисловие к немецкому изданию

Настоящий труд был написан в 1999–2002 гг. Его возникновению существенно способствовал ободряющим своим интересом к этой теме ряд коллег—славистов, указавших мне на тексты, не принятые во внимание, и оказавших мне библиографическую помощь. Это были: Моника Банковски (Цюрих), Тильман Бергер (Тюбинген), Эрих Бринер (Цюрих), Елизавета Шоре (Фрайбург—им—Брайсгау), Аннелоре Энгель

(Киль), Леонид Геллер (Лозанна) и Самсон Бройтман (Москва). От Людольфа Мюллера (Тюбинген) я получил сведения об отношении к вегетарианству Владимира Соловьева. Валентин Беленчиков (Магдебург) и Гельмут Кайперт (Бонн) внесли добавления к экскурсу в историю терминологии. Всех их сердечно благодарю.

Объявляю особую благодарность Российской государственной библиотеке (РГБ) и Государственному музею Л. Толстого в Москве, а также Российской национальной библиотеке в Санкт—Петербурге (РНБ). Кроме того, благодарю Архив Российской академии художеств (РАХ) в Санкт—Петербурге, Музей—усадьбу И. Е. Репина «Пенаты» и, наконец, Государственный музей истории религии в Санкт—Петербурге; хранитель рукописного отдела этого музея, Ирина Тарасова, оказала мне помощь в поисках документов по истории Московского вегетарианского общества (1909–1930). Museo storico artistico e del paesaggio (Палланца/Италия) и Ateneum in Taide Museo (Хельсинки) предоставили иллюстрации. Я смог воспользоваться фондами Центральной библиотеки в Цюрихе и, last, not least, Славянского семинара Цюрихского университета.

От Татьяны Павловой, президента межрегиональной общественной организации Вегетарианское общество (Москва), и от Николая Каланова, президента Евразийского вегетарианского общества (Москва), я получил информацию о положении вегетарианцев в современной России.

Свою благодарность выражаю также Швейцарскому национальному научному фонду. Издание книги не было бы возможным без присужденного мне значительного гранта. Издательство Бёлау (Кельн) благодарю за включение книги в план издания.

Самая большая заслуга в издании этой книги принадлежит моей жене. С самого начала она терпеливо сопровождала ее возникновение, внося критические замечания и поправки. Именно ей и посвящается эта книга.

Карин посвящается

I. ВВЕДЕНИЕ

Замысел этой книги возник осенью 1977 г. во время моих библиотечных разысканий в Москве. Собирая материалы для «Аннотированной библиографии по славянской социолингвистике»¹ в каталогах Библиотеки им. Ленина, в поисках очередного «вестника», я совершенно случайно с большим удивлением наткнулся на заголовок «Вегетарианское обозрение». Карточка была неполной (такова она, по—видимому, и сейчас). То, что, кроме выпусков этого журнала за 1909–1914 гг., существует издание 1915 г., я узнал только в 1999 г. при проверке в Толстовском музее.

Пусть этот эпизод – не считая множества других, приводимых ниже, – послужит первым свидетельством того, как тщательно все вопросы, связанные с вегетарианством, были табуированы в Советском Союзе. Я не имел ни малейшего представления (как, вероятно, и большинство русских) о том, что в дореволюционной России были распространены вегетарианские идеи и соответствующий образ жизни. Создатель русской климатологии, активный пропагандист вегетарианства А. И. Воейков в течение многих лет возглавлял Петербургское вегетарианское общество и представлял Россию на международных съездах вегетарианцев – обо всем этом умалчивается как в посвященных ему источниках, так и в статьях энциклопедий и монографиях. Первая основательная работа о вегетарианстве Толстого – статья В. И. Порудоминского «Л. Н. Толстой и этика питания» – не случайно появилась только в 1992 г., через год после распада Советского Союза. Знаменательно также, что в том же году в Минске вышел русский перевод польской книги о вегетарианстве², причем в оправдание этого издания (тиражом в 100 000 экземпляров!) указано, что в русских научных и научно—популярных изданиях публикации по этим вопросам ограничиваются немногими высказываниями и что в течение многих лет в России господствовало отрицательное отношение к вегетарианству, тогда как за рубежом был накоплен значительный опыт научного изучения вегетарианства³.

И в Западной Европе знания о вегетарианстве и его истории остаются скудными. Впрочем, за минувшие семьдесят лет появился ряд крупных исследований, начиная с фундаментальной работы Иоганна Гаусслеитера о вегетарианстве в античные времена (*Johannes Haussleiter. Der Vegetarismus in der Antike*, 1935) и кончая исследованиями по истории вегетарианства Джанет Баркас (Janet Barkas 1975), Колина Спенсера (Colin Spenser 1993; 2000), Альберта Вирца (этюда о М. Бир—хер—Беннере и Джоне Келлоге; Albert Wirz 1993); следует отметить также очень информативную статью Ганса—Юргена Тойтеберга о социальной истории вегетарианства в Германии (*Hans—Jurgen Teuteberg. Zur Sozialgeschichte des Vegetarismus in Deutschland*, 1994), карманный научный справочник по диетологии Клауса Лейтсманна и Андреаса Гана (*Claus Leitzmann, Andreas Hahn. Vegetarische Ernährung*. UTB 1996) и докторскую диссертацию Евы Барлөзиус «Натуральный образ жизни. К истории реформы жизни на рубеже XX века» (*Eva Barlosius. Naturgemasse Lebensfuhrung. Zur Geschichte der Lebensreform um die Jahrhundertwende*, 1997)⁴. Большое количество (83!) интересных текстов из всеобщей истории дискуссий о питании собрано в антологии «Жить. Убить. Есть: Антропологические масштабы» (*Leben. Toten. Essen: Anthropologische Dimensionen*, 2000). Питание и вегетарианство, натуральные методы лечения и санатории – эти и другие темы затрагиваются в двух весьма содержательных каталогах, сопровождавших дармштадтскую выставку «Реформа жизни» (2001), но при этом данные по России в них, к сожалению, не были учтены⁵.

Целью моей книги является рассмотрение судеб вегетарианства в России в контексте развития русской культуры и литературы. Со времен античности в вопросах сознательного вегетарианства (независимо от того, какие побуждения, этические или гигиенические, лежали в его основе) ведущую роль всегда играли представители интеллигенции – философы, поэты,

художники. Вспомним хотя бы Пифагора, Овидия, Плутарха, Леонардо да Винчи, Перси Б. Шелли или Бернарда Шоу. Так было и в России. Ряд русских писателей, художников и ученых самых разных отраслей, входивших в окружение Л. Н. Толстого, по его примеру стали вегетарианцами. Их отношение к вегетарианству, их мотивы, их положение среди окружения, в целом непонимающего, а порой даже враждебного, воздействие вегетарианского образа жизни на их творчество я и попытаюсь охарактеризовать в маленьких биографических очерках, рассматривающих отдельные случаи вегетарианства (Fallstudien). Толстой оказал огромное влияние на формирование вегетарианских идей в России, его путь к растительному режиму питания представляет большой интерес и, разумеется, очень подробно документирован – ему и его окружению посвящена отдельная глава книги.

Наряду с этим, объектом всестороннего рассмотрения являются организаторские усилия русских вегетарианцев, направленные на распространение их воззрений: основание журналов и издательств, открытие вегетарианских столовых, объединение их в вегетарианские общества. Эти процессы до сих пор не были исследованы. Между тем они свидетельствуют о том, что Россия накануне Первой мировой войны и в этой области принимала непосредственное участие в культурной жизни Западной Европы.

Мало известно, что эсперанто, очень распространенное именно в России, несмотря на незначительную роль славянских языковых элементов в его составе, представляет интерес не только как мировой вспомогательный язык, но и с точки зрения этических соображений; вряд ли известен и тот факт, что между приверженцами эсперанто и вегетарианцами установились тесные связи и что в августе 1908 г. в Дрездене был основан «Международный союз эсперантистов—вегетарианцев» – Толстой письменно выразил согласие быть почетным президентом этого союза. К. Спенсер и Дж. Баркас в своих изложениях истории вегетарианства не упоминают о связях, существовавших между эсперантистами и вегетарианцами. Только немного пока известно о доле участия еврейской части населения царской России в распространении вегетарианства. Чтение главы «The Rise of the Vegetarian Cookery Book» из книги Колина Спенсера «The Heretic's Feast. A History of Vegetarianism» натолкнуло меня на мысль включить в монографию небольшую главу о вегетарианских поваренных книгах, не заслуживающих, впрочем, такого названия с точки зрения сыроедов.

В подзаголовке моей книги говорится о «вегетарианском образе жизни». «Но рыбу же Вы едите?» – с этими и другими подобными вопросами вегетарианцы сталкиваются постоянно. Есть много разновидностей «вегетарианства»: начиная с лактоовоовегетарианства, веганства, исключающего из рациона продукты животного происхождения, и сыроедства, не принимающего вареные продукты, и заканчивая фрукто—едами, или фрукторианцами, питающимися исключительно фруктами и овощами (Fruitarianism). Расхождения между отдельными направлениями зачастую просматриваются очень отчетливо. Особенно глубока пропасть между теми, кто потребляет молочные продукты, и веганцами. Последние склонны смотреть на лактоовоовегетарианцев как на вегетарианцев ненастоящих, остановившихся на полпути, по той причине, что потребление молока все—таки в той или иной форме предполагает скотоводство, а стало быть, косвенно допускает целенаправленное убийство животных.

Все перечисленные разновидности вегетарианства были представлены в последние десятилетия XIX – начале XX века и в России, а разногласия между теми, кто последовательно отказывался от продуктов животного происхождения, и вегетарианцами менее строгими в этическом отношении были особенно явны.

Дискуссии, которые имели место в России, выявляют широкую гамму позиций: начиная с требования исключить убийство человеческих существ (войну, смертную казнь), отказаться от убоя животных – и заканчивая призывом к бережному отношению к растительному миру (человек «автот—рофный»). Это связано с большим влиянием, которое оказал на вегетарианское движение в России Л. Н. Толстой; но тут, вероятно, не обошлось и без влияния «внут-

ренной формы» семантического поля русских слов, обозначающих умерщвление животных: *убить, убой, убойна, бойня*. Этимология здесь прозрачна. Именно поэтому прилагательное «безубойный» (без убиения) стало синонимом слова «вегетарианский» посредством оживления внутренней формы. Так, например, сборник высказываний знаменитых людей о вегетарианстве, изданный Толстым в 1903 г., получил название «Безубойное питание, или вегетарианство». Вместе с тем велись острые дебаты по вопросу, в какой степени вегетарианское питание действительно может обойтись без «убийства».

Немало труда стоило мне собрать материал, не в последнюю очередь – в связи с табуированием темы «вегетарианство» во всем мире, разумеется, прежде всего – в «плотоядной» среде. Важными источниками оказались журналы русских вегетарианцев – их было три до 1917 г., они выходили в разное время, и сегодня представляют собой крайнюю библиографическую редкость; кроме того, источниками послужили сочинения писателей, монографии о художниках, а также те немногие этюды по истории вегетарианства, о которых уже говорилось выше, и некоторые другие книги, в частности «*Philosophie des Vegetarismus*» Фридриха Ясковского (1912). Разумеется, я постарался установить, какой отклик судьбы русского вегетарианства нашли в немецкоязычных вегетарианских журналах. В целом я должен был опираться на печатные источники. Поскольку русские вегетарианцы не успели создать всероссийской организации до событий 1914–го и 1917–го гг., то центрального архива не существует. (Решение о создании такого архива было принято в 1913 г. – см. гл. VII.) Ведь даже сами редакции вегетарианских журналов были вынуждены просить о том, чтобы им со всех концов страны присылали материалы, освещающие «вегетарианскую жизнь»⁶.

Тем не менее, в своих разысканиях мне удалось воспользоваться некоторыми важными архивами, а именно: архивом Государственного музея истории религии в Санкт—Петербурге, в котором хранится большая часть актов Московского вегетарианского общества, научно—библиографическим архивом Русской академии художеств, архивом Государственной российской библиотеки (бывшей Библиотеки им. В. И. Ленина), а также архивом Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Учитывая широту моей темы, рассмотрение сведений об истории русского вегетарианства, хранящихся еще в архивах, – задача, для выполнения которой усилий одного человека недостаточно. В таком случае пришлось бы просмотреть многочисленные отдельные архивные собрания, прежде всего писателей и художников, а это – колоссальная работа, уже в силу того, что эти архивы разбросаны по разным городам России. Некоторые из моих данных в дальнейшем будут, скорее всего, уточнены или дополнены. Александр Солженицын, не имевший доступа ко многим источникам во время работы над «Архипелагом Гулаг», особо подчеркнул, что он дал ту информацию, которой располагал на тот момент, и в случае, если ему предоставят другие засвидетельствованные факты, то он готов будет их принять⁷. Такую готовность к поправке могу выразить и я – в обстоятельствах поистине совсем других.

Немало затруднений возникло при распределении очень богатого и разнообразного материала. Пусть читатель снисходительно отнесется к иным повторениям. Они, на мой взгляд, позволяют придать отдельным главам больше законченности и, таким образом, отвечают разным читательским интересам; по возможности, на повторения указывается в сносках.

Предложенная книга представляет собой научное исследование. Но дабы не лишить читателя удовольствия при чтении того или иного эпизода, указания на источники и добавочные комментарии помещены в конце книги.

Надеюсь, что моя работа, пусть немного, даст повод к размышлению о наших привычках питания. Готовность отдельного лица, хотя бы на малую толику, изменить собственный режим питания могла бы противодействовать ложным тенденциям нашей жизни. Не является ли непостижимым абсурдом то, что, при голоде, поразившем огромную часть нашей планеты, одно из самых больших бедствий промышленных стран Запада – переизбыток и избыточный

вес? «Хоть раз поесть бы досыта!» – как по—разному звучит этот возглас в устах женщины в Эфиопии или же дамы в Дюссельдорфе! Миллиарды истрачиваются на борьбу с различными последствиями избыточного питания: в одной Германии в 2000 г. на это было потрачено не меньше тридцати миллиардов немецких марок. И все же, если говорить о мясе, то все усилия остаются направленными на снижение цен, на количество, а не на качество в самом широком смысле этого слова. Потребовалась эпидемия коровьего бешенства, чтобы дать паузу на размышления – очень уж, может быть, короткую. Сетования Адама Маурицио, автора основополагающего сочинения «Die Geschichte unserer Pflanzennahrung», актуальны и сегодня: о философских и нравственных основаниях растительного питания мы ничего не узнаем ни из истории философии, ни из медицинской критики вегетарианства. «Очень поучительны высказывания великих людей о растительном питании, об убое и убиении животных – они стоят размышления»⁸. Иные из этих высказываний читатель найдет в эпитафиях к отдельным главам данной работы.

II. К ПРЕДЫСТОРИИ: ЭТИКА ОТРЕЧЕНИЯ В ЦЕРКВИ И СЕКТАХ

Тогда сказал Даниил Амелсару, которого начальник евнухов приставил к Даниилу, Анании, Мисаилу и Азарии: сделай опыт над рабами твоими в течение десяти дней; пусть дадут нам в пищу овощи и воду для питья. И потом пусть явятся перед тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как увидишь. Он послушал их в этом, и испытывал их десять дней. По истечению же десяти дней лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами.

Книга пророка Даниила 1, 11—15¹

В России идеи вегетарианского образа жизни имеют долгую традицию, определенную православной религией. Для русского монашества, в отличие от западного (за исключением траппистов и картезианцев), качественный пост – воздержание от употребления мяса – является основным положением. Для простых верующих этот завет имеет силу только во время Великого поста, начиная с Недели мясопустной и заканчивая Пасхой. Кроме того, православная церковь знает еще Петров пост – с Троицына дня до дня святых Петра и Павла 29 июня, Успенский пост – с 1 августа до Успения Богородицы 15 августа – и Рождественский пост, который длится 40 дней, с 15 ноября до наступления Рождества. Наряду с этими четырьмя великими постами есть однодневные, в среду и в пятницу, а также несколько других. Таким образом, общее число постных дней в церковном году составляет больше 220. И в жизни верующего православного мирянина пост играл и играет большую роль, чем в церквях Запада². В 1906 г. Дженни

Шульц (Москва), одна из первых активисток вегетарианства в России³, сообщала читателям выходившего во Франкфурте—на—Майне журнала «Vegetarische Warte»: «Многочисленные, в большинстве случаев длительные периоды поста соблюдаются богатыми и бедными людьми, в городе и на деревне, с большой добросовестностью. Это и является причиной того, что здешнее население так легко расположить к вегетарианству. И русская женщина, в сравнении с другими народами, больше склонна к нашему делу. Стало быть, здесь хорошая почва для вегетарианства. Не хватает только пропаганды»⁴.

Еще в «Повести временных лет» в записи от года 1074 (6582) упоминается о смерти игумена Феодосия, увещевавшего монахов поститься: «Постное бо время очищает ум человеку». Там же сообщается, что у игумена Стефана, наследника Феодосия, монахи были благочестивы: «тако чернь—це яко светила в Руси сияют. Ови бо бяху постници крепци, ови же на бденье, ови на кланянье коленьное, ови на поще—нье чрес день и чрес два дни. Ини же ядуще хлеб с водою. Ини зелье варено. Друзии сыро». О Феодосии известно, что он сам ходил за Антонием. «Се же бысть дивно чудно яко за 2 лета лежа си ни хлеба не вкуси ни воды ни овоща ни от ка—каго брашна»⁵.

Не случайно говорится о воздержании от употребления мяса в житии святого, деятельность которого была связана с наивысшим процветанием русского монашества – св. Сергия Радонежского (1314–1391?), основателя Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде (с 1930 г. – г. Загорск). Его житие, написанное, вероятно, не ранее 1417 года Епифанием Премудрым и переработанное в период между 1440 и 1450 гг. сербским писателем Пахомием Логофетом, повествует о том, что будущий святой еще в утробе склонял мать жить по—вегетариански:

«(...) сама съблудашеся от всякыя скврны и от всякыя нечистоты, постом ограждаяся, и всякыя пища тльстыя оша—явся, и от мяс и от млека, и рыб не ядыше, хлебом точию, и зелиемь и водою питашеся»⁶. Когда Сергей родился, «вънегда аще случашеся матери его пищу некую вкусити еже от мяс и тою насыщене быти и полне утробе ея, тогда никакоже младенец съсцу касашеся»⁷. Так младенец порой оставался день или два без пищи, пока мать не исполняла его желание. И в православные постные дни, «в сред(ы) бо и в пя(тница) не с(ъ)саше от съсцу ни от млека ядыше». Это вело к разговорам о том, не больно ли дитя. Однако автор жития считает, что в этом «посте» – образ будущего воздержания и чудесный знак избранности⁸.

Вопросы питания стали предметом спора между «номиналистами» и «реалистами» в русской православной иерархии уже в XIV веке. Новгородский архиепископ Василий (1329–1352), ссылаясь на легенды иерусалимские и константинопольские, высказывал мнение, что существование земного рая – это реальность. В своем послании к Тверскому епископу Федору он говорил, что рай этот находится на Востоке. Там есть блаженные рахманы, которые живут близ рая не трудясь, одеваются «листвием садовым» и питаются «от древес овощами», не зная зависти и греха⁹. В другом рассказе о рае – апокрифическом путешествии Зосимы, возникшем также в Новгороде, – говорится о благочестивых, живущих в мире без железа, ножей и оружия, и питающихся одними фруктами.

С обычаями питания в русских монастырях XVI века хорошо знакомит читателя «Кормовая книга Иосифо—Волоко—ламского монастыря». Этот текст был опубликован в 1998 году в факсимильном издании, вместе с немецким переводом, группой исследователей в Мюнстере (Вестфалия). В нем весьма подробно описан регламент блюд в течение церковного года, т. е. с сентября по август: во время поста, по обыкновенным дням и праздникам. Кормовая книга показывает, что в том случае, если постный регламент не требовал ступенчатых ограничений вплоть до полного, качественного и количественного поста, монахи в этом монастыре питались по—вегетариански, делая иногда исключение для рыбы¹⁰.

Монашество играло огромную роль в древнерусском обществе. Не только простые люди посещали монастыри для духовных бесед и для благочестивых подвигов, но также бояре и князья. Русские князья и цари перед смертью обыкновенно постригались в монахи. «Русский человек вообще старался обосновать на монастырских принципах как общественную жизнь, так и частную: (...) Нравственные правила Домостроя XVI века носят характер ритуального аскетизма, характерного для древней Руси в целом»¹¹.

Секты, возникшие на территории царской России в течение XVII века – периода всеобщей неуверенности, раскола русской церкви, возникновения старообрядчества, – прежде всего секты хлыстов, или «божиих людей», как они себя называли, – были очень активны и имели распространение вплоть до XIX и XX веков; даже в советской России продолжала существовать, по официальным данным, «незначительная часть отдельных хлыстовствующих течений»¹². Сведения о возникновении различных сект и свойственных им обычаях документировались в XIX веке царскими следственными комиссиями в протоколах многочисленных допросов. Карл Конрад Грасс в своем обширном двухтомном исследовании русских сектантов, написанном до Первой мировой войны на основании опубликованных материалов, описал также аскетические правила их питания¹³.

Секты во многом следовали примеру монашества официальной православной церкви. Ведь «в начале XVIII века их центры были в православных монастырях среди монахов и монахинь»¹⁴. Именно подражание монашеской жизни, по предположению Н. Реутского, которое Грасс считает весьма вероятным, «привело хлыстов в том числе к запрещению потребления мяса». «Ведь в монастырях русской церкви вообще не едят мяса. Зато больше – рыбу. Но и этот продукт питания (...) был запрещен хлыстами (...) и так до сегодняшнего дня (...)». Это может

говорить в пользу представлений о переселении душ. Но в Великие посты также церковь запрещает есть рыбу¹⁵. Хлысты придавали большое значение строгому посту. «Церковные посты кажутся им далеко не достаточными. Не только в определенные дни, но и всегда, по их мнению, нужно избегать скоромных кушаний, прежде всего мяса. Как обоснование данного запрета на мясо хлысты нередко указывают на то, что мясо якобы возбуждает сексуальные вожделения»¹⁶. «Вообще хлыстовщину можно рассматривать как попытку возвести монашеский аскетизм в требование ко всем, попытку преодолеть ту границу, которую проводит церковь между благочестием мирян и благочестием религиозных людей в высшем смысле, монахов, отшельников и святых. (...) И в том, и в другом случае идеалы тождественны; в их основе – представление о святом, ограничивающем удовлетворение телесных потребностей до той крайней степени, которая является необходимой для поддержания жизни»¹⁷.

Хлысты «постятся неустанно и даже в более строгом смысле, чем церковь», меж тем они сами не считают такое воздержание истинным постом. «Истинный пост подразумевает полное воздержание от кушаний»¹⁸.

«Еще большее значение хлысты, по всей видимости, придавали запрету на опьяняющие напитки. (...) В запрещении алкогольных напитков они настолько строги, что даже при святом причастии заменяют вино квасом или даже водой»¹⁹.

Во второй половине XVIII века появилась секта скопцов. Ее основателем был Кондратий Селиванов (род. до 1750–1832). Скопцы в общем переняли предписания хлыстов о воздержании в еде. В связи с этим К. Грасс указывает на «запрет мяса (прежде всего свинины), водки, а также всех опьяняющих напитков (...). Употребление же рыбы в пищу допускается»²⁰. «Особенно строго соблюдается [у скопцов. – П. Б.] воздержание от мяса. Если иные из них – сектанты из богатых землевладельцев, имеющие сношение с дворянами—помещиками – иногда позволяют себе в обществе стаканчик вина, нарочно с тем, чтобы этим доказать свою непринадлежность к сектантам – то воздержание от мяса для них всех непреложно. (...) «Мясо – это ужасно отвратительно (...) мы, белые голуби, питаемся чистым зерном»», – так говорится в сообщении 1905 года о курских скопцах²¹. Основание тому – еще большее, чем у хлыстов, – стремление избежать сексуального возбуждения. Перед судом скопцы обычно сознавались в неупотреблении мяса, но обосновывали это «каждый по—своему»: болезнью ли, природным ли отвращением, данным обетом или же, как это случилось в 1832 г. на судебном процессе в Твери, – тем, «что душа этого не желает»²².

Во второй половине XIX столетия возникли и новые секты, которые отказывались от употребления мяса; в частности к ним относится секта малеванцев, основателем которой был Кондрат Алексеевич Малеванный (1845–1913), колесный мастер из Киевской губернии. К. А. Малеванный, сперва бражник, как и его родители, отец семерых детей, в 1884 году принял учение баптистского штундизма, распространенного тогда на юго—западе России, и вскоре освободился от пьянства. С конца 1880–х годов он считал себя «избранным первенцем Бога». После 1888 года секта малеванцев начала быстро распространяться. Правительство распорядилось интернировать К. А. Малеванного в психиатрическое отделение Кирилловской больницы г. Киева, а для лечения его в 1892 году были привлечены самые видные психиатры: Иван Сикорский в Киеве, а затем, после того, как Малеванного перевели в 1893 году в Казань, и Владимир Бехтерев. Последний опубликовал в 1893 году свое исследование «Суггестия и ее роль в социальной жизни», впервые переведенное на немецкий язык в 1904 году («Die Suggestion und ihre Rolle im sozialen Leben»). О малеванцах сообщается, что они отказываются не только от мяса, но и от яиц, так как в них – зародыш будущей жизни; животных нельзя не только убивать, но также и использовать как рабочую силу²³. К. Грасс полагает, что и у малеванцев—цев главная причина отказа от потребления мяса заключается в воззрении, согласно которому таким обра-

зом укрепляется дух в борьбе с собственной плотью. И. Сикорский наблюдал у малеванцев пристрастие к сладкому – изюму, фидам и сахару. Они не только добавляли сахар в пищу, но и вкушали его в «чистом виде». Состоятельные малеванцы безвозмездно снабжали им бедных. Вступление же в секту малеванцев, по словам К. Грасса, зачастую объяснялось тем, что они «лечат от пьянства», в то время как царю и духовенству это не по силам²⁴.

Небезынтересно сравнить этюд В. Бехтерева, в котором лишь отмечаются различные аспекты бредовых идей малеванцев, с репортажем о более позднем посещении К. Малеванного и его семьи, появившемся в «Киевской мысли» в 1911 году. В центре этого репортажа – зарисовка из абсолютно «нормальной» семейной жизни:

Небольшая мазанка на окраине города, чистенько выбеленная снаружи и внутри. Неширокий двор с садиком.

Я попал к ним в обеденную пору. За столом сидело человек десять мужчин и женщин – черпали ложками из общей миски...

– Здравствуйте! Хочу видеть Кондрата Алексеевича...

Он протянул мне свою худощавую руку и приподнял голову. Старик, с длинной седоватой бородою. Высокий лоб, нависшие брови. Глаза ясные, открытые.

Вид в общем болезненный, усталый. Тут и жена его, морщинистая, но очень бодрая еще старушка; сын, зять, молодая дочь, и несколько человек приезжих из Васильковского уезда.

– Вы из наших братьев будете?

– Нет, я – посторонний.

– Ну, все равно. Сидайте, брат, тай пообидаем. Коль скоро пришел к нам – значит, брат и друг.

Зеленые щи с фасолью и грибами, пшенная каша с постным маслом. Потом сладкий чай с лимоном и сухарями. Они – убежденные вегетарианцы.

Всякая тварь просит у Божьих сынов освобождения...

Они не хотят поэтому, чтобы на них падала кровь какой бы то ни было животной твари; не хотят, чтобы на них плакалась коровка, аль птица или рыба, иль даже самое маленькое насекомое.

Этого режима они своим братьям, однако, не навязывают. Хилые, больные при желании едят мясо. Этот режим привился к ним без всякого давления. Сами уразумели, сами дошли.

В малеванских гущах, как потом я узнал, создалось и соответствующее хозяйство: держат корову для молока, и лошадку – помощницу в хозяйстве. Но отказались от свиней, кур, гусей и от всякой другой домашней твари.

Кондрат и его семья вегетарианствуют уже свыше двадцати лет.

– Когда перестал я вкушать кровь животных – прояснились мои глаза, и на душе легче стало.

Но не следует также и злоупотреблять и всякой пищей. Каждый лишний кусок уже причиняет вред.

И тошнит, и спать хочется...

Человек должен стремиться только к тому, чтобы поддержать свое существование²⁵.

Эта картина очень близка к той, которую находим в письме Л. Н. Толстого к Елизавете Владимировне Молоствовой от 7 июня 1905 года. Молостова посетила Малеванного в Казани, в больнице для душевнобольных, где его содержали уже 12 лет; по просьбе Толстого она ходатайствовала за него перед губернатором и в августе того же года добила его освобождения.

Толстой написал ей после посещения одного из «малеванцев»: «Это община чистых, нравственных, трудолюбивых людей. Тех самых людей, к(оторые) составляют силу всякого народа и образование к(оторых), поощрение, подражание – должно было бы составлять главное занятие всякого правительства, желающего исполнять свое призвание. И их—то гонят, и их—то наука, заменяющая в наше время прежнюю церковь, признает душевнобольными. Это ужасно!»²⁶

В 1910 году в *ВО* сообщалось еще об одном разговоре с К. Малеванным. Секта в то время была распространена прежде всего в Киевской и Минской губерниях и там имела около 20 000 приверженцев; из них 95 % жили «безубойно»²⁷.

Кроме хлыстов, скопцов, малеванцев и различных более мелких группировок, как—то: молокан и субботников,²⁸ в начале XX века в России существовали и другие возникшие в народе движения, которые требовали воздержания от мясных блюд и практиковали его, как, например, «серафимовцы»²⁹. Городским вариантом этих движений было движение «народных трезвенников» «братца» Иоанна Чурикова в Петербурге и «братца» Ивана Колоскова в Москве. 17 апреля 1913 года И. М. Трегубов (1858–1931), один из самых деятельных корреспондентов Толстого (тот написал ему 98 писем) и знаток русского сектантства, выступил в Москве на первом Всероссийском съезде вегетарианцев с докладом о вегетарианстве среди приверженцев различных сект. При этом изучал он прежде всего упомянутых «народных трезвенников». Они начинали с призыва к воздержанию от алкоголя, а потом постепенно приводили своих приверженцев к вегетарианству. По словам Трегубова, среди рабочего населения Петербурга и Москвы было около 50 000 вегетарианцев—трезвенников. Попутно Трегубов охарактеризовал отношение к трезвенникам духовенства: оно пыталось объявлять их сумасшедшими, как в свое время и Кондрата Малеванного³⁰.

Еще тремя годами ранее Трегубов сообщал в *ВО* о выступлении И. Чурикова в Петербурге 3 января 1910 года. Своей проповедью «братец» Чуриков добился того, что огромная толпа, большею частью из рабочего класса, «под влиянием сильного религиозного вдохновения отказалась от употребления мяса». Чуриков прочел собравшимся вслух отрывок из Евангелия от Марка, где говорится о проповедях Иоанна Крестителя:

Иоанн Креститель, который призывал к покаянию и крещению, питался диким медом и акридами. Из этого можно сделать вывод, что он не пил вина и не ел мяса, и тем самым и других призывал к воздержанию от вина и мяса.

И Христос был воздержан и не ел мяса, почему, совершая пасху с учениками, он преломлял и им давал есть не ягненка, а хлеб во исцеление души и тела и в защиту животных, и тем самым призывал их и всех людей к воздержанию от мяса.

Его ученики не ели мяса и других призывали к воздержанию от него, как это видно из следующих слов ап. Павла: «лучше не есть мяса и не пить вина вовек, дабы не соблазнить брата моего»³¹ (Рим. 14.21; 1 Кор. 8.13) и «немощный есть овощи»³² (Рим. 14.2).

И я призываю вас к тому же. Раньше я вас призывал отказаться от вина, а теперь призываю вас отказаться и от мяса, призываю добровольно (...).

Согласны ли вы на этот призыв?»

В ответ на это все громко и единодушно воскликнули: «Согласны, дорогой братец, отрекаемся от мяса, во век не будем пить вина и есть мяса!» (...)

«Святые отцы не ели мяса и потому были мудры и кротки. Отказываясь от мяса, мы и с животными заключаем мир (...).

Поэтому и медицина начинает уже считать мясо вредным для здоровья и посылает богатых людей в такие места, где они могут питаться фруктами и виноградом. (...)

Мне говорят: «Мясники все здоровы». А я скажу: хоть бы тысячу мясников поставить против одного Серафимушки, то и они не смогут справиться с ним. Ему и медведи покорялись.

«Все мы мясники пред тобою постником, – сказали слушатели, – падаем в недостатках и смиряемся. Помолись за нас». (...)

«Придет время, – продолжает проповедник, – вы сами должны будете отказаться от мяса, потому что цена его дойдет до 5 руб. за фунт. (...) Но отказываться от мяса надо не ради корысти. Некоторые из вас отстали от вина ради своей выгоды, а не ради слова Божия, не ради слова истины. А от мяса надо отказываться ради примирения с животными, ради своего здоровья и на пользу человечества».

«Во век не будем есть мяса!» – опять дружно все сказали и запели: «Слава в вышних Богу и на земле мир. Многая лета! Многая лета! Многая лета!»

«Некоторые, может быть, скажут: „Это сектанство“, некоторые уже и говорят: „братцевых надо отлучить от церкви“, а я вам скажу: я отлучил вас от всего дурного: от пьянства, разврата, курения табаку, балалаек и всех развратных увеселений, но от церкви я вас не отлучал, а наоборот призываю вас к церкви»³³.

Заметно, как здесь пересекаются линии «религиозного» и «светского» вегетарианства. И. Чуриков указывает на оздоровительные преимущества вегетарианского образа жизни, ему известно, что ими начинают интересоваться правящие классы. В следующее воскресенье, 10 января 1910 года он проповедовал:

(...) В газетах пишут, что и в Америке 300 000 рабочих отказались от мяса, потому что оно стало дорого. Дорогая цена мяса насильно отнимает его у людей; но я бы хотел, чтобы вы отказались от него не насильно, а добровольно, по рассуждению. Поэтому я очень рад, что сразу столько откликнулось на мой призыв. Если откликнулось полторы тысячи, то две с половиною животных останутся живыми. (...) Когда не было мяса – не было и болезней. Поэтому постники здоровы и долговечны.

Некоторые говорили мне: «а как же львы едят мясо – и какие они сильные и долговечные!» А я спросил их: сколько их? «Мало», – ответили они.

Так и вас, кровожадных, будет мало. Тарас Бульба съедал трехмесячного агненка и четверть вина выпивал и вышел на поединок против своих детей и одного из них убил.

Не есть мясо полезно еще и потому, что если ты кого обидишь, то тебе скажут: «мяса не ешь, а людей обижаешь», и стыдно тебе станет, и этот укор будет тебе во спасение»³⁴.

Три года спустя за трезвенников заступится Н. М. Жданов³⁵ в своей речи 14 мая 1913 года в Александровском зале петербургской Думы. По его словам, в этом движении, которое охватило широкие круги городского населения, можно видеть «тот тип деятельного православного человека, который с древних времен никогда не переводился на Руси. (...) На Руси всегда были люди, которые, хотя и не принадлежали к монашеству или духовенству, но брали на себя задачу в своей жизненной деятельности осуществлять заветы христианской нравственности. Всегда, с самых древних времен, были на Руси и странники, и богомолы, и чернички, и прозорливцы, и блаженные, которые и в городах, и в селах, и в деревнях, и на погостах брали на себя задачу послужить ближнему, посоветовать ему (...)» Вверяться духовному водительству другого человека – «это психологическое свойство русского человека». В монастыре Оптиной

пустынь у старцев побывали не только убогие и хилые, униженные и оскорбленные: «Там были и Гоголь (...), и братья Киреевские (...), и Толстой, и Достоевский».

Таким образом, и низы городского населения обрели духовных наставников в лице «братца» Чурикова в Петербурге и «братца» Колоскова в Москве: это движение представляет собой «проявление старчества XX века, образовавшегося и развившегося на почве жизни низов городского населения». Ивана Колоскова еще задолго до начала его проповеднической деятельности на родине, в Тульской губернии, «называли монахом за то, что он выделялся своим неуклонным благочестием, не пил, не курил, строго соблюдал посты». После того, как судьба привела его в Петербург на беседы братца Ивана Чурикова, он переселился в Москву и там на своих собраниях успел сподвигнуть тысячи людей к перемене их образа жизни. Колосков «звал их не к борьбе социальной, а к той душевной реформе, которая заповедана христианской нравственностью». А «в литературе, направленной против трезвенников, это движение нередко называется антигосударственным, сеющим вражду»³⁶.

На свидетельствах о распространении отказа от употребления «убойной» пищи в церкви и в сектах я остановился по двум причинам. Во—первых, потому, что масштабы этого рода «вегетарианства» представляют собой отдельную проблему духовной и социальной истории России³⁷. Во—вторых, также и потому, что эта готовность к воздержанию не только в церкви, но и в сектах, связанная с религиозными представлениями, не была лишена влияния на судьбы «новейшего» вегетарианства, возобновленного во второй половине XIX века. Готовность к воздержанию возбуждала подозрение, что за ней скрываются сектантские устремления. Правда, в течение веков в разных частях Европы не раз возникали религиозные движения, проповедующие растительный режим питания. Достаточно указать на богомилов и катаров³⁸. Но распространение этих движений, как и жестокое преследование их со стороны церкви и государства, имело место сотни лет тому назад. Люди, примкнувшие в Западной Европе или в Северной Америке к новому движению вегетарианцев, начавшему быстро расти приблизительно с 1850–х годов, не находились под подозрением в ереси и не должны были бояться соответствующих санкций (русские духоборцы в Канаде были исключением). И все же им приходилось считаться с тем, что на них смотрят как на чудаков; они и их окружение также были вынуждены мириться с известными неудобствами того рода, какие были описаны почти сто лет назад П. Гоффманном, профессором философии из Гента, — это описание, заметим, актуально и сегодня³⁹. Однако и в царской империи, и в Советском Союзе было иначе. Тот, кто даже «просто так», по личным мотивам, хотел обойтись без мяса, навлекал на себя подозрение. Ведь значительная часть сект, преследовавшихся властью и считавшихся опасными для существующего порядка, веками проповедовала воздержание от мяса. Проповедовал его и Толстой в рамках своего особого истолкования христианского благовестия.

Приведем только один пример (в последующих главах еще будут приведены дополнительные). В 1913 году в ВО Н. Лапин, молодой крестьянин из Саратовской губернии, сообщал в статье под заголовком «Почему я сделался вегетарианцем» о том ужасе, который у него еще с детства вызывал убой скота. Когда ему исполнилось 18 лет, ему попала в руки книга И. Горбунова—Посадова «Сострадание к животным и воспитание наших детей», и с тех пор он начал жить вегетарианским образом. В деревне говорили, что он не сможет вынести всех тягот крестьянской работы, а вскоре пошли слухи, что это пришел на землю Антихрист и начинает обольщать людей. Духовенство подозревало его в толстовстве: «что, дескать, кто к нему присоединится, тот сам себя проклянет»⁴⁰.

Широкое распространение сект, как и обхождение с ними властей, нашли известное отражение в русской литературе, правда, до революции 1905 г. только в скрытой форме: тема эта была табу. Она, как правило, обсуждалась только в публикациях по богословию и психиатрии⁴¹. У Тургенева в «Записках охотника» загадочный Касьян с Красивой Мечи порицает поме-

щика за то, что тот занимается охотой: «Святое дело кровь! Кровь солнышка не видит, кровь от свету прячется». Правда, эти запреты касаются только диких зверей. Касьян допускает заботу домашних животных: «А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб – божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов». Н. Л. Бродский в свое время высказал мнение, что тургеневский Касьян принадлежит к секте «бегунов». Н. С. Лесков в некоторых своих повестях затрагивает тему вегетарианства среди приверженцев русских сект, главным образом из круга «штундистов» (об этом см. ниже). Понятно, что царское правительство испытывало опасения: около 1900 года одних штундистов разных группировок насчитывалось, согласно иностранным источникам, два миллиона⁴². И в начале XXI века сектантство играет в огромной России значительную роль. (см. гл. X).

Экскурс: Г. Р. Державин и пост

Православная «культура поста» в XVIII веке побудила поэта Г. Р. Державина (1743–1816) к размышлениям о человеческих обычаях еды. В «Санкт—Петербургском вестнике» за 1779 г. он опубликовал краткое «Рассуждение о посте», в котором касается пифагорейцев и их взглядов, впрочем, не называя этого философского течения¹. Державин отдавал себе отчет в том, что в более теплых местах жить вегетарианским режимом легче, чем на крайнем севере (слова «вегетарианский» еще не было). Он даже замечал, что уровень образования того или иного слоя населения может сказываться на обычаях питания и поста.

Привожу его замечания в несколько сокращенном виде.

Жизнь наша есть время искушения, а пост время воздержания. (...)

Многие думают, что пост не в брашне состоит, но в отчуждения от злых дел. Священное писание говорит то же; я, против сего не споря, говорю с философом: «Человек! Правило тебе в жизни сей – терпи и убегай» (...)

Некоторая древняя секта не употребляла мяс; она, не за—колая себе в пищу никакого животного, довольствовалась одними плодами и разными растениями.

Для чего ж? Станется, она или жалела пожирать животных, кои все имеют некоторые сходства с человеком, как то: телесные чувствования и тому подобное, или верила переселению душ человеческих в скотов, или, может быть, из опытов знала, что мяса разгорячают кровь, утучняют тело и способствуют усилению стремления страстей наших. Спросите вы меня: верю ли я всему этому? Не знаю. Древний Зинов однако говорит: страсти в нас от скотства происходят; я разумею чрез сие обжорство, плотоугодие и роскошь, чему, кажется мне, согласно и в священном писании у нас не иное что как Зиновом² называемое скотство именовано чревобесием³ и включено в число смертных грехов.

То ли сие у нас слово знаменует, я не намерен входить здесь ни в изъяснение, ни в прение с богословами, но то неоспоримая истина, что наевшийся досыта человек мало способен к движению телом и к действию умом.

К чему же он способен? К праздности, а праздность есть мать всех пороков.

Из сего следует, что напрасно новые философы проповедуют нам: «что—де Богу нужды, едим ли мы суп с ветчиной, или горох разваренный?»

Богу конечно нужды нет, да нам нужда.

Желая вознестися к Существу нашему духовному, обитающему в горних, должно не только душу свою очищать добрыми делами, но и плоть свою истощать сколько можно, чтоб она не отягощала нас и делала бы дух наш бодрее и свободнее воскрилиться к своему началу. Для сего богомудрые мужи в разные веки, в разных странах, граждане на земли неба, анге—ли неба на земли, поучали всегда имети пост; совет их конечно благ. Христос, глава церкви нашей, постясь сам, утвердил пост. Для чего же нам не последовать им? (...)

Лучший друг сложению человеческому, умеренность, – умеренность в пиршестве, умеренность в посте. Сия полезная нам добродетель, сохраняя здравие души и тела нашего, вспомоществует им в исполнении всех

христианских и человеческих должностей; впрочем иной пост, кажется мне, должен быть в благодатных странах, изобилующих лучшими земными и древесными плодами Греции и Малой Азии, иной под шестидесятым градусом северной широты; иной просвещенных людей, иной непросвещенной черни. Главнейшее при сем правило есть – быть во всем послушным совести своей. Не желал бы я иметь другом такого человека, который, не сохраняя правил о посте, узаконенных святыми отцами, говорит: не наблюдать поста тяжкий есть грех; однако Бог милосерд.

Свидетельства более позднего времени говорят о том, что Державин прекрасно умел ценить хороший обед. Я. К. Грот даже сообщает о «неумеренности в еде» как слабости стареющего Державина ⁴. И в стихотворениях Державина есть похвалы мясным и рыбным блюдам. Так, И. Виницкий говорит о богатом и сытном столе, украшенном «багряной ветчиной, янтарной икрой, красными раками и золотой шекснинской стерлядью» ⁵; ср., например, стихотворения Державина «Приглашение к обеду» (1795) и «Похвала сельской жизни» (1798). Но примечательно то, что поэт очень рано, исходя из церковных обычаев поста, стал помышлять о возможном общем отказе от мясного питания и о различных способах его обоснования.

Впрочем, и польский поэт и современник Державина Станислав Трембецкий (1739–1812) заинтересовался растительным режимом питания; когда ему было около 50 лет, он даже сам стал вегетарианцем. В поэме «Зофьювка» (Sofjowka, 1806) он хвалит «землю, благосклонную мать», которая «для пищи дает зерна, овощи и ягоды». Его обращение к вегетарианству надо рассматривать в контексте его знакомства с античными поэтами и философами – с Овидием, Вергилием, Лукрецием и Эпикуром, с мифом о Золотом веке и с мировоззрением стоиков ⁶. Трембецкий практиковал и пропагандировал гедонистские элитарные представления об отречении; «простая» жизнь, по его словам, обещает долголетие. Размышления же Державина, несмотря на знание им античных преданий, зиждутся на нравственных требованиях православия.

III. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Первые объединения русских вегетарианцев существовали, по—видимому, уже в 1860—е гг.¹ Тем не менее, временем пробуждения вегетарианской идеи в России следует считать год 1878. В этом году «Вестник Европы» напечатал статью профессора А. Н. Бекетова (1825—1902) «Питание человека в его настоящем и будущем» – веское слово в защиту вегетарианства. Эта статья имела большой успех; в 1879 г. она была опубликована отдельной брошюрой и в 1881 г. – переведена на французский, а в 1882 г. – на немецкий язык (илл. 1; см. с. 53).

Очевидно, призыв Бекетова к отказу от употребления в пищу мяса не сразу имел практические последствия. Однако эта статья сыграла не последнюю роль в «обращении» в «вегетарианство» отдельных лиц, особенно Льва Толстого, который начиная с 1884 г. придерживался данного образа жизни². Н. С. Лесков, познакомившись с Толстым в 1887 г., опубликовал в 1889 г. заметку «О вегетарианцах, или сердобольни—ках и мясопустях»; в том же году вышел его рассказ «Фигура», герой которого на протяжении всей своей жизни вегетарианствовал. Сам Лесков с этого времени и вплоть до самой смерти в 1893 г. был вегетарианцем. В мае 1890 г. у Толстого впервые возникла идея создания книги «о еде». Летом 1891 г. он пишет очерк «Первая ступень», который появился в печати в 1892 г. и вызвал большой резонанс; с тех пор для многих этот труд стал «библией вегетарианства»³. Период с момента появления толстовского сочинения до начала Первой мировой войны был временем самого активного распространения вегетарианского образа жизни в России.

В том же 1892 г., вскоре после опубликования «Первой ступени», некий студент К. Н. Смирнов предпринял попытку основать в Петербурге вегетарианский журнал под названием «Первая ступень». Цензура отказала Смирнову в выдаче необходимого разрешения (об этом см. ниже в главе, посвященной Григоровичу: VI. 3.1, с. 154–155). Значительную роль в пропаганде вегетарианства сыграло издательство «Посредник», основанное в конце 1884 г. по инициативе Толстого. В 1893 г. оно выпустило русский перевод книги Говарда Уиль—ямса «Этика пищи» «The Ethics of Diet» со статьей Толстого «Первая ступень» в качестве предисловия; в том же году была перепечатана брошюра А. Н. Бекетова (следующее издание – в 1896 г.). В довоенные десятилетия это издательство опубликовало еще много «вегетарианов» – самых разных книг и брошюр по вопросам вегетарианства – в своей «Вегетарианской библиотеке».

Статья о вегетарианстве в знаменитом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Т. 10. 1892. С. 691–692) – что неудивительно – была составлена А. Н. Бекетовым: «В России хотя и имеются вегетарианцы, но общества еще нет. Учение это, однако же, все более и более распространяется, и число его адептов, не считая народные массы, которые повсюду держатся растительной пищи, должно считать десятками тысяч. В Англии, Германии, Австрии и Швейцарии имеются специально для вегетарианцев приспособленные гостиницы (отели); в одном Лондоне до 30 и ресторанов в Англии до 60». В «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук» заглавные слова «вегетарианец», «вегетарианка», «вегетарианство», а также вышедшее из употребления «вегетарианизм»⁴ появляются впервые в 1891 г. (термин «вегетарианизм» возник в Англии в 1842 г.). Второе издание энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в т. 5 (1912?) знакомит с историей вегетарианства с античных времен; кроме того, лактоовоовегетарианская пища представлена (в частности, со ссылкой на медицинские исследования французского физиолога И. Лефевра) как равноценная смешанному питанию⁵.

Между тем полицейский произвол в царской России имел последствием то, что выступления в защиту вегетарианского образа жизни оказались небезопасным предприятием. Во мно-

гих местах было запрещено проводить собрания и читать лекции о вегетарианстве⁶. Анна Панкратьевна Попова (1842–1914), мать Евгения Ивановича Попова (1864–1938), одного из приверженцев Толстого, бывшего знакомым с ним с 1887 г., открыла в начале 1891 г. в Москве вегетарианскую столовую, деятельность которой вскоре была приостановлена властями. «Слышал я то, что кухмист(ерскую) запретили», – писал Толстой Черткову 28 февраля 1891 г.⁷ Уже в самом слове «вегетарианство» чиновники усматривали нечто ужасное, подрывающее государственные устои. В 1894 г. в Москве появилась первая вегетарианская столовая. После того как г. Silleneek, владелец столовой, разместил над своим заведением вывеску с надписью на русском и немецком языках «Вегетарианская столовая / Vegetarisches Speisehaus», по приказу полиции было устранено как немецкое название, так и слово «вегетарианская», – осталось только одно слово «столовая»⁸.

В 1894 г. в Петербурге было лишь одно заведение, предлагающее домашние вегетарианские обеды. Согласно короткому репортажу С. Раевского (Рига) о положении вегетарианства в России для журнала «Vegetarische Rundschau»⁹, отношение прессы к этому движению – за исключением газет «Неделя» и «Новое время» – было либо безразличным, либо враждебным. Он сообщает, что активное участие в распространении вегетарианской литературы в последнее время принимает московское издательство «Посредник» и что вегетарианцы есть в различных частях империи: на Кавказе и на Урале, в Туркестане и в Сибири. И в самом деле, к тому времени в царской империи проживало несколько десятков тысяч людей, придерживающихся вегетарианства, – как и предполагал Бекетов. Кроме того, на Кавказе жили духоборцы и представители других сект, отказывающихся от потребления мяса, как, к примеру, секта белоризцев. Духоборцы уже тогда в большинстве своем были убежденными вегетарианцами.

16 февраля 1896 г. в Москве по случаю открытия новой частной вегетарианской столовой состоялось «Собрание у Мо—ода», которое считается первой попыткой основания вегетарианской организации в старой столице.

1 декабря 1901 г. в Петербурге при содействии врачей (А. П. Зеленков) и профессоров (А. И. Воейков) было основано первое русское объединение вегетарианцев – «Санкт—Петербургское вегетарианское общество» (в дальнейшем *СПб. ВО—во*). Это общество имело ярко выраженное научное направление. Итогом его работы стало издание библиографии вегетарианской литературы, основание вегетарианской библиотеки и выработка проекта устава, который был утвержден 21 октября 1901 г. Министерством внутренних дел и который лег в основу уставов практически всех локальных вегетарианских обществ, основанных позже в период до Октябрьской революции. Вплоть до начала Первой мировой войны Петербургское общество вело очень активную деятельность, несмотря на то что по своей численности оно во многом уступало вегетарианским объединениям в Западной Европе.

Число вегетарианских столовых постепенно росло; к началу 1903 г. в России их было семь¹⁰. В начале 1904 г. в одной Москве было зарегистрировано 4 вегетарианских заведения¹¹.

Новые общества возникли в Варшаве (1903 г.), в Киеве и Кишиневе (1908 г.). В Одессе в 1908 г. должно было открыться пятое по счету вегетарианское общество, но устав не был утвержден, несмотря на то что это был тот же самый устав, что и в Петербурге и других городах царской империи¹². «Московское вегетарианское общество» (в дальнейшем *МВО—во*) было основано 28 февраля 1909 г. (дата утверждения устава).

13 октября 1909 г. в Москве была открыта первая «официальная» вегетарианская столовая, которой управляло *МВО—во*. За оставшиеся месяцы 1909 г. заведение посетили 11 000 человек. В 1912 г. число посетителей достигло 340 000, в 1913 г. – 500 000, а в 1914 г. – 643 000. В той же Москве в 1911 г. была открыта «Первая народная вегетарианская столовая», предлагающая недорогие обеды (от 12 до 15 коп.) из двух блюд.

15 января 1909 г. в Кишиневе вышел первый номер журнала «Вегетарианское обозрение» (в дальнейшем *ВО*) с подзаголовком «Единственный вегетарианский журнал в России». Издатель журнала И. Перпер в № 7 (1909) дал довольно пессимистическую оценку положения вегетарианства в России. Он выражал сожаление по поводу разрозненности сил и призывал к созданию Всероссийского вегетарианского союза. Уже в первых выпусках журнала И. Перпер представил проект устава «Всероссийского вегетарианского общества», разработанный М. М. Пудавовым (Киев)¹³. Но и в мае 1912 г. у Перпера еще будет повод озаглавить один из своих очерков «Наша разрозненность»¹⁴. Не только расстояния были причиной, затрудняющей всяческие усилия по объединению сил: особенно велики были расхождения между различными группировками. Некоторые (нередко из окружения Толстого) придерживались вегетарианской диеты по религиозным соображениям – убедительное изображение представителя этих вегетарианцев—толстовцев мы находим у А. И. Солженицына в романе «Август четырнадцатого» (1971) в образе Исаакия¹⁵ – но были также и вегетарианцы, настроенные более секуляристски: для них важны были в первую очередь «гигиенические» и эколого—экономические аспекты; разумеется, существовали также разногласия между теми, кто признавал потребление молочных продуктов, и теми, кто от них отказывался. Впрочем, лишь малая часть тех, кто в той или иной степени жил по—вегетариански, выражала, помимо этого, готовность вступить в какую—либо вегетарианскую организацию. Так было – и есть – и в западноевропейских странах. При всем том, на протяжении всей своей истории вегетарианское движение в России постоянно сталкивалось с нехваткой денежных средств; неоднократно были призывы о пожертвованиях, однако щедрые меценаты, видимо, не находились.

В январе 1910 г. в Москве возникла идея издания очередного вегетарианского журнала под названием «Естественная жизнь». Предполагалось, что журнал будет литературным – в частности, надеялись на содействие Л. Н. Толстого; к тому же предусматривалось участие в журнале десяти врачей¹⁶. Проект не был осуществлен; тем не менее, в 1913 г. под редакцией П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева вышел «Первый альманах Московского вегетарианского общества», озаглавленный «Естественная жизнь и вегетарианство»¹⁷. Альманах сначала был конфискован и вновь разрешен только после изъятия 35–страничной статьи, которую пришлось заменить другими материалами¹⁸.

Вместо остро необходимого сплочения сил в 1912 г. в Московском вегетарианском обществе происходит их разъединение – в связи с созданием общества «Духовное пробуждение»¹⁹; с тех пор в Москве существовали две вегетарианские организации, не считая таковых в Петербурге, Киеве, Саратове, Полтаве, Одессе, Минске и Вильнюсе. Головной организации по—прежнему не существовало.

Тем не менее, общество «Духовное пробуждение», помимо прочего, ставило целью организовать съезд и выставку вегетарианцев. На период с 27 по 30 декабря 1912 г. оно планировало созыв в Москве Первого Всероссийского съезда вегетарианцев²⁰. Этот съезд – первое совместное выступление русского вегетарианства – состоялся, правда, несколько позднее: с 16 по 20 апреля 1913 г.²¹ Несмотря на то что это было поистине примечательное событие, красноречиво свидетельствующее об общем настрое того времени, полном радостных надежд, – об этом съезде ни словом не упоминается в современных исследованиях – например, «Russland im Epochenjahr 1913. Kultur. Gesellschaft. Politik»²². Между тем 1913 год был вершиной развития и для русского вегетарианства²³.

Участникам съезда не удалось создать Всероссийский вегетарианский союз. Однако важным шагом в этом направлении было решение об открытии «Справочного вегетарианского бюро»²⁴. В соответствии с одиннадцатой из принятых съездом резолюций, второй съезд веге-

тарианцев должен был состояться на праздниках Пасхи 1914 г.²⁵ Но этому не суждено было осуществиться: Первая мировая война положила конец всем всероссийским устремлениям русских вегетарианцев. К ним можно также причислить идею основания кафедры вегетарианства. Писательница Н. Б. Нордман, жена И. Е. Репина, в мае 1913 г. настоятельно просила профессора В. М. Бехтерева, возглавляющего Психоневрологический институт в Петербурге, содействовать созданию подобной учебной кафедры (ср. VI. 5, с. 225–228), но после смерти Нордман в июне 1914 г. никто уже не преследовал эту цель.

С мая 1914 г. в Киеве выходит еще один вегетарианский журнал – «Вегетарианский вестник» – наряду с «Вегетарианским обозрением», параллельно издававшимся также в Киеве в течение еще одного года...²⁶

«Вегетарианский вестник» своим названием возобновил традицию первого вегетарианского журнала, вышедшего в 1904–1905 гг. В программной статье нового издания говорится о трех периодах развития вегетарианства в России. Согласно автору статьи, об эпохе до 1901 г. можно говорить как о «литературном периоде». Второй период отмечен идейной работой Петербургского вегетарианского общества. Третий период, начиная с 1908 г., – период практический, посвященный организации обществ и учреждению столовых в Киеве, Москве, Одессе. Теперь наступает новый четвертый период – время «пробуждения вегетарианцев от идеологического сна»; начинается период съездов и распространения вегетарианского движения посредством печатного слова²⁷.

Три месяца спустя, с началом Первой мировой войны, для русских вегетарианцев наступило тяжелое время; их ситуация немногим отличалась от ситуации их единомышленников в западноевропейских странах. Они были предоставлены собственным сомнениям и нападкам со стороны (ср. главу VIII). Как можно было заниматься пропагандой вегетарианства в то время, когда почти каждый день приносил огромные человеческие жертвы? Вегетарианские общества были заняты благотворительной деятельностью. Журналы выходили не регулярно; лекторская деятельность была ограничена, продукты питания подорожали, что осложнило работу вегетарианских столовых.

Февральская революция 1917 г. была встречена с восхищением. Новое правительство временно отменило смертную казнь: это дало пищу надеждам на прекращение всяческого убийства, в частности на «отмену смертной казни также и для животных». Последователи Толстого воспользовались восемью месяцами между Февральской и Октябрьской революциями, для того чтобы опубликовать как можно больше религиозных статей Толстого. Только в 1917 и 1918 гг. в издательстве «Посредник» вышли 63 брошюры Толстого, адресованные широким массам; среди них было много «вегетарианов»²⁸.

Советский режим уже в первый год своего правления не оправдал надежд, связывавшихся с Октябрьской революцией. И все же вегетарианские общества в разных городах продолжали свою деятельность. В архиве петербургского Государственного музея истории религии находятся документы, касающиеся истории Московского вегетарианского общества в период до 1930 г. Вегетарианцы продолжали выступать с докладами; но советские власти относились к их собраниям со все усиливающимся подозрением, деятельности общества чинились все большие препятствия. Между тем финансовое положение обществ и столовых осложнилось в связи с баснословно высокой арендной платой за помещения, принадлежащие теперь государству²⁹. Советские власти все более оттягивали рассмотрение проекта устава Московского вегетарианского общества, которое с 1917 г. стало носить имя Л. Н. Толстого. Весной 1929 г. последовал окончательный запрет. Осенью 1929 г. многочисленные члены общества были арестованы и частично сосланы на Соловки (среди них секретарь В. Г. Черткова). Первое время вегетарианские столовые еще были открыты, но и их начали притеснять порой невыполнимыми требова-

ниями служащих по части трудового права. Если столовые и продолжали функционировать, то теперь уже под названием «диетические столовые».

Толстовские коммуны, практиковавшие вегетарианство, в царской России испытывавшие со стороны властей в крайнем случае терпимое отношение, после Февральской революции и в первые годы советского режима переживали большой подъем. Во времена НЭПа (1921–1928) и до начала коллективизации и первой пятилетки таких коммун были сотни, с различными формами организации. Общее число толстовцев на конец 1917 г. составляло, по подсчетам М. Поповского, от пяти до шести тысяч человек. Они занимались сельским хозяйством (порой очень успешно), получали первые премии на сельскохозяйственных выставках, однако позднее подверглись гонениям, – не только из—за их идеологии, но и под предлогом борьбы с кулачеством.

Яркой иллюстрацией отношения к вегетарианству в советское время могут послужить статьи из энциклопедий и словарей того времени. В Большой советской энциклопедии (*БСЭ*) первого издания (1928 г.) составитель довольно подробной статьи, посвященной вегетарианству, А. Мольков, верно указывает на тот факт, что истоки вегетарианства уходят в глубокую древность, упоминает Пифагора и Овидия³⁰. В статье приводятся экономические, биологические, гигиенические, эстетические и этические аргументы в пользу вегетарианского питания, при этом каждому из них уделяется по предложению. Впрочем, следующая за этим критика этих доводов подчеркивает их ненаучность и называет данную теорию чистой идеологией, идеалистическими иллюзиями, выдуманными и подпитываемыми наиболее сентиментальными людьми господствующих классов. Далее утверждается, что привычки в питании классово обусловлены и что каждый человек вправе свободно выбирать режим питания. Автор статьи замечает, что утверждение, будто бы вегетарианское питание обходится дешевле, справедливо только для бедного сельского населения, вынужденного отказаться от мяса, а также, что вегетарианское питание, распространенное в городах, обходится дороже мясных блюд, несмотря на равноценность растительной пищи – по своим вкусовым качествам и питательности – мясной пище. Положение о том, что гуманное отношение к животным предполагает такое же отношение к людям, квалифицируется как необоснованное. Сложнее обстоит дело с биолого—физиологическими и гигиеническими аргументами в пользу вегетарианского режима. Некоторые из них будто бы опровергнуты наукой, состоятельность других еще нужно проверить на основе клинического опыта и наблюдений врачей. Несомненно одно: злоупотребление мясной пищей является причиной определенных заболеваний.

Во втором издании *БСЭ* (Т. 7, 1951) вегетарианству отводится значительно меньше места. Согласно соответствующей статье, это движение получило распространение в Западной Европе в первой половине XIX века, в России – во второй половине столетия среди членов религиозных сект, а также в некоторых кругах интеллигенции; упоминается и о том, что распространению вегетарианских идей в России способствовала публикация в 1878 г. статьи А. Н. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем» и в 1892 г. статьи Л. Н. Толстого «Первая ступень». «Все доводы, приводимые вегетарианцами в пользу питания исключительно растительной пищей, антинаучны». В завершение очерка делается следующее заключение: «Вегетарианство, основанное на ложных гипотезах и идеях, в Советском Союзе не имеет приверженцев»³¹.

Статья о вегетарианстве в третьем издании *БСЭ* (1971) отличается большей разносторонностью информации, и выдержана она в менее пренебрежительном тоне. Впервые в Советской энциклопедии помимо «сыроедов» упоминаются также и старовегетарианцы: «Некоторая часть вегетарианцев (старо—вегетарианцы) употребляют в пищу продукты растительного происхождения только сырыми, другие употребляют их также в жареном и вареном виде, наконец „младовегетарианцы“ наряду с растительной пищей включают в рацион молочные продукты и яйца». Далее разъясняется, что режим питания, рекомендуемый младовегетарианцами, удо-

влетворяет всем потребностям организма в питательных веществах и потому с физиологической точки зрения вполне допустим. Сообщается также, что в Европе вегетарианство получило распространение в первой половине XIX столетия (особенно в странах, где растительная пища, включая плоды, была доступна широким слоям населения). В России вегетарианство стало известно несколько позже, и в первую очередь в среде религиозных сект (духоборцы, белоризцы, «свободники» и др.) и некоторых групп интеллигенции (в особенности последователей «толстовства»). «В СССР вегетарианство не получило распространения». В остальном допускается, что необходимые питательные вещества, в том числе при повышенной мышечной нагрузке (например, при занятиях спортом), может обеспечивать растительная пища и что при некоторых заболеваниях вегетарианские диеты используются с лечебной целью ³².

Прежде чем вегетарианцы в России смогли вновь организовывать общества, после Второй мировой войны прошло еще несколько десятилетий. Интерес к вегетарианству, в течение долгого времени подавлявшийся, стал расти вновь с начала 1990-х. В 1989 г. было зарегистрировано «Вегетарианское общество города Москвы», а в декабре того же года при Экологическом фонде СССР было организовано «Вегетарианское общество СССР» ³³. Впрочем, количество их членов продолжает оставаться небольшим, несмотря на то что время от времени делаются заявления о том, что вегетарианство завоевывает (!) в России все большее число сторонников ³⁴. В Московском государственном университете открыта вегетарианская столовая, деятельность которой поначалу поддерживало движение кришнаитов (ср. ниже с. 394). Появляется все больше книг о вегетарианской кухне, иногда снабженных кратким введением в историю вегетарианского питания, а также книг, посвященных отдельным аспектам вегетарианства ³⁵.

Научные работы по истории русского вегетарианства мне не известны ³⁶. Здесь необходимо заметить, что и в русском литературоведении теме литературного и общекультурного значения еды до сих пор почти не уделялось внимания. И если даже эта тема затрагивается, о чисто растительном рационе не упоминается даже вскользь. Это касается и семи статей, опубликованных в журнале НЛЮ за 1996 г. под рубрикой «Еда и питье в литературе» ³⁷.

Экскурс: К истории терминологии

Русские слова *вегетарианец / вегетарианка, вегетарианство*, давно ставшие обиходными, восходят к английским терминам *vegetarian, vegetarianism*, «официально» существующим с 1847 г. («Vegetarian Society» в Манчестере; журнал «The Vegetarian», основанный в 1848 г.), хотя использовавшимся и ранее. В статье «Первая ступень» (1892 г.) Л. Н. Толстой говорит о движении *вегетарианства*. Тем не менее, прошло немало времени, прежде чем данный термин вошел в язык. Первоначально использовалось слово с другим суффиксом: *вегетарианизм* (Н. С. Лесков 1889; *ВВ* 1904: 2 1–4). В немецком языке, начиная с 1870–х гг., также получили распространение выражения из английского – *Vegetarianer* и *Vegetarianismus* (последнее, к примеру, у П. Нимейера 1876 г.). Около 1900 г. утвердились формы *Vegetarier* и *Vegetarismus*, последняя перешла из немецкого в русский язык: после 1900 г. *вегетаризм* становится обиходным словом (*ВВ* 1904: 11 1; *ВО* 1912: 3–4 142).

Таким образом, в русском языке некоторое время параллельно существовали три формы: *вегетаризм, вегетариа—низм, вегетарианство*. Обозначение *вегетарианцы* используется А. Н. Бекетовым в 1878 г. в поясняющем контексте («Члены этого общества называют себя „вегетарианцами“»). Первое словарное упоминание находим в 1891 г. в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук» (Вып. 1. СПб., 1891. С. 358). Кроме того, употреблялась форма *вегетарианин*, мн. ч. *вегетариане*¹.

Приведенную группу слов относят, как правило, к латинскому *vegetare* «оживлять» (позднелат.: 'жить', 'расти'); *vegere* 'быть сильным, оживленным'; *vegetus* 'радостный', 'мощный', а также к *vegetabil, vegetabilisch* 'растительный', равно как к английскому *vegetable* «овощ»².

В зависимости от идеологической ориентации вегетарианцы ссылались на то или иное происхождение. Так, в 1892 г. Лесков утверждал (несмотря на преимущественно этический характер его обоснования вегетарианства), что *вегетарианизм* восходит к латинскому *vegetas* (sic! – П. Б.), со значениями 'здоровый', 'мощный'.

Довольно рано стал употребляться глагол *вегетарианствовать*. Несмотря на отсутствие его в академических словарях, он использовался довольно часто, и отнюдь не в ироническом смысле (например, в переписке Репина с Толстым в 1891 г.); кроме того, была образована форма *полувегетарианствовать* (Радугин 1908, ср. *ВТ* 25/26, 1998, с. 7), а также оборот *половинное вегетарианство* (*ВО* 1911: 6–7 60).

«Этических вегетарианцев» называли также *вегетариан—цами—нравственниками* (ср. *ВВ* 1915: 11–12 4), в то время как выражение *безубойники* являлось общим обозначением вегетарианцев.

Прилагательное *безубойный* с середины 1890–х годов употреблялось как синоним слова *вегетарианский*. Было бы небезынтересно установить, кем впервые было употреблено это слово —ключ русского вегетарианства, ставшее в дальнейшем предметом горячих споров. Лесков в своем воззвании к выпуску вегетарианской поваренной книги, напечатанном 25 июня 1892 г., говорил еще только о блюдах *без убойны*.

Может быть, первым, кто употребил слово *безубойный*, был В. Г. Чертков. Именно он ознакомил Л. Н. Толстого с вегетарианством (см. ниже с. 81). В журнале *ВО* (1911 г. № 1–5) была опубликована в семи главах его обстоятельная (2 У печатных листа) статья «Об убийстве живых существ». Чертков уверяет, что первые четыре главы, т. е. большая часть, озаглавленная первоначально «Не убий», были написаны им еще в 80–х годах (ср. № 1, с. 28), «почти тридцать лет» до напечатания (№ 5, с. 14–15). В этой статье речь идет об «убийстве животных», о «бескровном питании» (№ 3, с. 7), о «растительной пище» и о «растительной диете»; а в 4–й главе Чертков говорит о бесполезности «убойного питания» (№ 3, с. 13) и, опираясь на известную статью А. Н. Бекетова, отвергает «возражения против безубойного питания» (№ 3,

с. 10) – употребление «ъ» указывает на то, что сочетание было образовано *ad hoc*. Ведь, по свидетельству словарей того времени, например, Даля (2–е изд., 1880), все слова с приставкой «без» перед гласной «у» тогда писались слитно («безудержный»).

В трех последующих главах, написанных в 1911 г., встречается только написание «безубойно». О том, что первые четыре главы возникли еще в 1880–х годах, свидетельствует следующее: 11 декабря 1892 г. Толстой подтвердил получение рукописи статьи, а 12 декабря писал автору: «Читать вслух вашу статью начали со 2–й главы и дочли до 4–й главы включительно. (...) Статья очень, очень хороша» (ПСС 87: 170, 173).

От Черткова же Толстой получил еще в апреле 1891 г. книгу Говарда Уильямса «The Ethics of Diet. A Catena of Authorities Deprecatory of the Practice of Flesh Eating», London, 1883 (ПСС 87: 84), которая впоследствии была «переведена под его [Черткова] наблюдением несколько лицами» (ПСС 87: 98). Перевод появился в 1893 г. в издательстве «Посредник» под заглавием «Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека». Как видно, название книги в русском переводе заметно отличается от оригинала. Очень вероятно, что именно Чертков – пожалуй, не без ведома Толстого – изменил заглавие, употребляя слово «безубойный», которым он пользовался еще в 1880–х годах. Более раннее употребление этого выражения в печати мне не известно; может быть, более подробные справки о его истории найдутся в архиве Черткова.

В 1894 г. о *безубойном* питании не раз говорится в «Обедах вегетарианца», изданных В. П. Быковым, а в 1900 г. в книге Б. Шапиро «Вегетарианство, или безубойное питание». Крылатым это слово стало, несомненно, благодаря сборнику Толстого: «Безубойное питание, или вегетарианство. Мысли разных писателей» (1903), который содержит 250 коротких текстов.

В толковых словарях русского языка, включая академические, слово *безубойный* не зафиксировано; тем не менее, оно было известно, так как сразу в нескольких словарях иностранных слов (к примеру, в словаре под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1911 г.) оно дается как эквивалент к *вегетарианский*: «Вегетарианизм, – анство лат. – учение о безубойном питании, которого держатся вегетарианцы»; «Вегетарианец *лат.* – человек, питающийся одной растительной пищей, отвергающий мясную пищу, считая ее вредной, а убой животных противонаравственным; впрочем, иногда допускает употребление яиц, молока, масла и сыра»³. Подобное же толкование находим во втором издании «Словаря иностранных слов» Ф. Н. Петрова (М., 1942): «вегетарианский [ср. – лат.] – растительный (о пище), безубойный»; а также в четвертом издании «Краткого словаря иностранных слов» (М., 1947): «вегетарианец – человек, питающийся главным образом растительной пищей, сторонник безубойного питания».

В последующих редакциях слово *безубойный* отсутствует. Вследствие Октябрьской революции и советской политики питания данное слово исчезло из общего языкового сознания. По сведениям, предоставленным мне Гельмутом Кайпертом, два видных исследователя русского языка в ответ на вопрос о сегодняшнем употреблении слова *безубойный* сообщили ему, что до сих пор не сталкивались с этим словом. Тем не менее, его употреблял Толстой, который, по свидетельству климатолога профессора А. Воейкова, датированному 1913 г., интересовался даже «безубойными шубами»⁴.

Выражение «владеть языком», посредством калькирования вошедшее во многие европейские языки, в свое время подверг резкой критике венский писатель—сатирик и критик культуры Карл Краус (1875–1936) – задолго до того, как исследование «языковых картин мира» стало языковедческой дисциплиной. В истории русского вегетарианства, действительно, можно найти обратные примеры того, как язык, со своей стороны, владеет мышлением человека, определяет человеческое сознание посредством границ семантических полей и «внутренней формы» слова. Уже во Введении я указывал на то, что в русском языке семантическое поле слова *убой* соотносится с целым словарным гнездом 'убить/убивать' (ср. *бойня*, а также *убоина* 1. 'животное, предназначенное на убой', 2. 'мясо убитого животного' – (впрочем, суще-

стует еще и глагол *резать*, в одном из своих лексико—семантических вариантов обозначающий убой домашнего скота). В силу того, что этимология слова *убойный* прозрачна (словарь В. Даля приводит слово *убойник* как одно из церковных обозначений смертоубийцы), в спорах вокруг вегетарианства это прилагательное продолжали ставить в связь со словами *убивать* или *убийство* как сторонники, так и противники движения. *Безубойный* стало синонимом к слову *вегетарианский*, равно как и ключевым словом дебатов (с подчеркнута и преувеличенно этической подоплекой), что и определило направление этих дебатов. Причем, очевидно, инициативу взяли на себя вегетарианцы. *Убойный* употреблялось ими для характеристики питания: например, проф. А. П. Зеленков в 1903 г. говорил в одном своем докладе: «убойная, или, как обыкновенно говорят, „мясная пища“»⁵. Между тем в авторитетных словарях русского языка есть словосочетания *убойная площадка* и *убойный вес*, но к пище это прилагательное не применяется⁶.

Известное влияние на русские дискуссии о вегетарианстве и реформе жизни имело, возможно, и то, что слово *трав* в русском языке обладает широким спектром значений. При переводе русского *трав* на немецкий приходится выбирать между *Gras* (обыкновенная трава, образующая травяной газон или луг, а в сушеном виде называемая сеном) или *Kraut* (пряная зелень, целебная или лекарственная трава). Многозначность слова *трав* повлекла за собой насмешки в адрес тех, кто употреблял лечебные, «полезные» травы для приготовления чая или даже блюд (ср. VI.5, с. 213–214).

Очень распространенным является метафорическое употребление слов *вегетарианец*, *вегетарианство*, *вегетарианский* для обозначения сторонников миролюбивой, а иногда и слишком гибкой позиции. Подобное употребление мы находим в главе о В. Маяковском (см. ниже с. 238), а также в ряде других глав данного исследования. Это связано, разумеется, с ведущимися еще с античных времен спорами о влиянии растительного или мясного питания на темперамент и характер человека. Именно это переносное значение слова «вегетарианец» вошло в русские словари. Так, Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (1936) определяет переносное значение слова *вегетарианец* следующим образом: «перен.: Противник насилия в политической борьбе (нов. ирон.) *Соци—ал—{егетарианец}*»⁷. В «Словаре иностранных слов» Ф. Н. Петрова это значение отмечено как второе: «2) ирон. противник решительных мер»⁸. Анна Ахматова, по свидетельству Надежды Мандельштам, называет период до сталинского террора временем «еще сравнительно вегетарианским».

Подобная метафорика, впрочем, не ограничивается исключительно советской Россией. В Швейцарском парламенте в апреле 1993 г. правительству было выдвинуто обвинение в том, что оно посылает «на переговоры в Брюссель вегетарианцев». В России, в Интернет—дискуссии 1999 г. по проблеме чрезмерного использования иностранных слов в русском языке, в одной из реплик резкой критике подвергаются постановления, принятые в канадском франкофонном Квебеке и предусматривающие очищение французского языка и ограничения на использование так называемого «франгле» (*Franglais*, то есть своеобразной помеси французского и английского): «Возможно, я еще слишком хорошо помню омерзительную советскую цензуру, которая тоже чем—то вполне пристойным прикрывалась, и переносу этот привкус крови на вполне вегетарианскую Канаду». «Вегетарианская Канада» здесь означает 'мирное гражданское общество', ведь нельзя же отнести всех канадцев к вегетарианцам...

Термины, обозначающие различные направления в вегетарианстве, прошли свой путь развития и в России. Выражение *вегетализм* (от франц. *vegetalisme*) использовалось для именования вегетарианцев, не принимающих в пищу молочные продукты⁹; сегодня, как правило, используется термин *веганство*. Позднее люди, ведущие *веганский* образ жизни (как уже упоминалось выше в замечаниях об энциклопедиях), стали называться *старо—вегетарианцами*, а лактовегетарианцы — *младо—вегетарианцами*. Этот узус находим повсеместно в словарях

советского времени под заглавным словом *вегетарианство*. Сегодня эти термины считаются устаревшими. В русском также прижились термины *веганаец*, *веганицы* (ВТ 9—12, 1997). В противоположность этому, слова *веги* (*вег*) или *вегини* (*вегиня*) обозначают вегетарианцев в общем, хотя преимущественно в разговорной речи (ВТ 7—8, 1998).

Слова *сыроед* или *вегетарианец—сыроед* (ВО 1912: 5 196) – существовали уже до Первой мировой войны; более поздним является обозначение *натурист* (ср. ВТ: *натуристы*, или *сырое—ды*). В «Русско—немецком словаре» Павловского (3-е изд., 1900) можно найти следующее значение, почти противоположное первому: *сыроед*, *сыроедка*: 'der/die sich von rohem Fleisch, von rohen Fischen Nahrende' (разумеется, взято из Даля¹⁰). Однако в академическом «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах (ССРЛЯ; Т. 14, 1963) слово *сыроед* не зафиксировано. Кроме того, до Первой мировой войны для обозначения *fruitarians* использовался термин «фруктоеды», более поздним является выражение *фрукторианцы*¹¹.

Вегетарианцы, в свою очередь, не церемонились с выбором слов в адрес «плотоядников». Зачастую в литературных и бытовых текстах в значении 'мясо' использовалось слово *труп* (ср. у Толстого, Лескова, Паоло Трубецкого и др.). Соответственно, потребители мяса получили название *трупоядники*, а потребление мяса – *режим трупоедения*. Таким способом выражался протест против языкового «вуалирования» того факта, что этот продукт питания – животного происхождения; факта, упоминание о котором в западноевропейских языках частично избегается еще чаще за счет использования других этимонов: «A vegetarian diet supplies our bodies with an adequate amount of proteins, vitamins and minerals. We find particular cultural aspects expressed in our language. The pig is an animal, its meat pork, or swine. The fact that meat was an animal is being veiled»¹². В результате убоя молодого теленка (*calf*) мы получаем *veal* (телятина), а убой быка (ox) или коровы (cow) дает *beef* (говядина). В русском языке средством «вуалирования» служит также указание на температуру пищи: *жаркое*; немецкий язык прибегает к указанию на способ приготовления (ср. нем. *Braten*).

Для обозначения «плотоядников» вегетарианцы использовали также термины *скотоед*, *скотоедка*. По свидетельству профессора А. Воейкова (ВО 1909: 2 9), это слово впервые употребил Б. А. Долячко, редактор «Вегетарианского вестника» 1904–1905 гг. В вегетарианских коммунах 1920-х гг. обязательные поставки мяса называли «мясной повинностью». Слово же *мюсли*, обозначающее распространенную на Западе в частном обиходе, в семейной кухне и гастрономии смесь из овсяных или кукурузных хлопьев с добавлением фруктов и орехов, появляется в русском языке только в годы перестройки.

При обращении друг к другу в среде вегетарианцев было в ходу слово *единомышленник* / *единомышленница*, которое, конечно же, отмечено словарями. В результате частого употребления в объявлениях и т. п., это слово стали сокращать до менее прозрачного *едином.* и *единомышл.* Приверженцы общества «Духовное пробуждение», основанного в 1910 г., называли себя *пробужденцами*.

IV. РАННИЕ ПОПЫТКИ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ

1. Первый манифест: А. Н. Бекетов

В 1878 г. в журнале «Вестник Европы» была опубликована статья, размером почти три печатных листа, которая в вопросе о питании действительно принесла новые «вести» из Европы. Автор статьи, Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902) – ректор Петербургского университета в период с 1876 по 1884 г. – был одним из ведущих русских ботаников девятнадцатого века (в 1880 г. он станет дедом Александра Блока)¹. Его этюд носил название «Питание человека в его настоящем и будущем»². Через год, в 1879 г., он выйдет отдельной брошюрой тиражом в две тысячи экземпляров; в 1881 г. – на французском и в 1882 г. – на немецком языках³; причем французская версия статьи нашла живой отклик и в Италии⁴.

В своем исследовании Бекетов решительно высказался в пользу вегетарианского режима питания; этот труд считается первым русским сочинением о вегетарианстве. В 1893 г., после выхода трактата Л. Н. Толстого «Первая ступень», издательство «Посредник» выпустило второе издание брошюры Бекетова, а в 1896 г. выходит третья (оба тиражом в 7 200 экземпляров).

Бекетов стремился своим сочинением пробудить в обществе интерес к вопросам питания как одного из важных факторов физического и интеллектуального развития человека. Более объемный труд по истории питания – «Развитие человеческой способности питания» (1873) – опубликовал ранее историк А. П. Шапов (1830–1876)⁵. Бекетов, со своей стороны, размышляя в глобальном культурно—историческом контексте и опираясь на научные данные современной ему биологии и экономии, сделал попытку заглянуть в будущее. Выводы, к которым приходит Бекетов, сегодня отчасти стали уже само собой разумеющимся знанием, отчасти – опровергнуты в силу непредвиденных обстоятельств; а перед некоторыми проблемами, обозначенными Бекетовым, человечество стоит и по сей день, причем ситуация нередко носит еще более острый, чем представлял себе автор, характер. Не привлекая пессимистические прогнозы Роберта Мальтуса, Бекетов указывал на безостановочный рост населения планеты – уже тогда число жителей Земли составляло 1,5 млрд. человек, а за прошедшие 120 лет оно, как известно, увеличилось вчетверо [по данным на 1 января 2002 г. насчитывалось 6 196 141 294 обитателей земного шара!]. Человечеству, писал Бекетов, предстоит пройти еще длинный ряд тысячелетий. Проживая во все уменьшающемся пространстве, оно должно пересмотреть вопросы своего питания.

Какая пища соответствует правильному развитию человеческой природы? Вот вопрос, которым задается Бекетов. Обратившись прежде всего к физиологии (569–573), он отмечает, что между животной и растительной пищей резкого химического различия не существует. Различным является соотношение содержания белков и углеводов. Человек может жить, питаясь только хлебом или только мясом, хотя при этом в обоих случаях потребляется избыточное количество пищи. По Бекетову, в Европе наилучшим считается смешанный рацион, состоящий из $\frac{1}{4}$ фунта мяса и $\frac{3}{4}$ фунта хлеба ежедневно. Таков идеал пищи западноевропейской буржуазии (571). Употреблять меньшее количество мяса, по мнению тогдашних диетологов – Бекетов называет их с легкой иронией «практиками—физиологами» – вредно для здоровья. Они решительно предписывают всему человечеству «одну и ту же карту обеда», не обращая внимания на экономическое состояние планеты. Но вряд ли, по наблюдению автора, можно считать неоспоримой истиной привычки состоятельных классов Европы; при экспериментах

необходимо в равной мере принимать в рассмотрение и остальные девять десятых населения Земли.

Далее Бекетов обращается (574–579) к строению органов пищеварения человека. Особенности кишечного канала человека указывают исследователю «на пищу, менее легко варимую, чем мясо, но более удобоваримую, чем трава». Разумеется, напрашивается сравнение органов пищеварения человека и ближайших к нему животных. «Но тут мы встречаемся со странным явлением в науке, или, вернее, в ученном мире. Под давлением того обстоятельства, что пища европейских буржуа есть наилучшая пища для всего человечества вообще, некоторым господам пришло в голову сравнивать человека со свиньей» (574), вместо того чтобы сравнивать с человекообразными обезьянами – животными, ближайшими к человеку по строению. Орангутанг и горилла, которая вчетверо сильнее человека, питаются исключительно растениями и плодами (575). Они полностью лишены охотничьих инстинктов, пишет Бекетов. Еще Жорж Кювье высказывал мнение, что человек по своей сути приспособлен к растительной пище, но только к «мягкой» или «полумягкой» (т. е., например, не к траве); изобретение огня дало человеку возможность потреблять в пищу и мясо; Бекетов дополняет, что без огня не было бы и хлеба, то есть и определенные растения – например, картофель, бататы или зерновые – без огня не имели бы для человечества такого значения.

Таким образом, если человек действительно от природы приспособлен к растительному питанию, то мясо вряд ли является столь необходимой «примесью к пище человека», как считают многие «физиологи—практики». И действительно, применительно к густонаселенным странам Азии и Африки о мясе как о народной пище не может быть и речи. По Бекетову, в мировом масштабе мясоеды – лишь ничтожная группа людей; основу пищи человечества в целом составляют четыре злака: рис, кукуруза, пшеница и рожь. Если такое бедствие, как голод, оказывается частым явлением, то причиной его является неравномерность распределения пищи; с другой стороны, ввести пищевые законы «физиологов—практиков» для всего человечества невозможно. Это утверждение Бекетова имеет силу и сегодня.

В целом можно наблюдать, пишет Бекетов, что «населенность людьми обратно пропорциональна населенности домашними животными». По мере увеличения численности населения человеку придется применять паровой плуг для разработки «пастушеских стран», а также увеличить площадь возделываемых земель за счет осушения или орошения (как в сегодняшней Голландии и Италии).

Изучив динамику цен на хлеб и мясо в период с 1816 по 1875 год, Бекетов приходит к выводу, что в будущем мясо всегда будет сравнительно дороже хлеба уже потому, что мясо – продукт «дважды переработанный» (имеется в виду первичное прохождение растительной пищи через пищеварительные органы животных). Если согласиться с мнением «физиологов—практиков», утверждающих, что без мяса человеческая пища не может считаться нормальной, то человечество оказывается в безвыходной ситуации. Большая часть человечества, заключает Бекетов, навсегда останется плохо или посредственно прокормленной массой, которой будет управлять горстка хорошо питающихся и интеллигентных людей. «Меньшинство (...) станет разрабатывать науки и искусства, заботиться о лучшем продовольствии масс и в то же время постоянно сознавать, что наделить всех нормальной пищей – несбыточная мечта.

Так действительно думает западноевропейская буржуазия. Находясь во главе наиболее процветающих масс [в Европе], она вполне довольна своей деятельностью, ибо довела своего среднего человека до небывалого довольства...». Но: «... нравственный идеал всего людского рода не может удовлетвориться мещанской философией зажиточных классов Западной Европы». (584). «К счастью, элементы пищи будущего уже и теперь намечены наукою. В Европе существует даже общество, поставившее себе задачей не только исключительно питаться растительной пищей, но и распространять то убеждение, что пища эта есть единственно естественная и согласная с природою человека. Члены этого общества называют себя

„вегетарианцами“ и, очевидно, верно оценили дело»⁶ (585). Это замечание Бекетова может считаться одним из первых в России упоминаний о вегетарианстве.

Далее Бекетов сравнивает содержание питательных веществ в растительной и животной пище, ссылаясь на исследования женева физиолога К. Фогта⁷. При этом он отмечает необходимость дальнейших исследований в этой области, по примеру русского доктора К. В. Ворошилова (585–587)⁸, и указывает на то, что до введения культуры картофеля в Европе бобовые растения составляли одну из главных статей пищи трудящихся классов. Фасолевого пюре (из больших полевых бобов или из бобов конских, или русских), наряду с различными злаковыми пюре являлось основной пищей западноевропейского Средневековья⁹. При этом Бекетов с сожалением отмечает, что почти все зерновые теряют на мельницах питательные вещества, содержащиеся в наружных слоях хлебного зерна, так как эти слои, стремясь добиться тонкого помола, попросту выбрасывают. Иными словами, Бекетов уже тогда говорил о полезности муки грубого помола.

Автор отмечает странное явление: «Все в технике, кажется, движется вперед, и притом с необыкновенною быстротою, одна только пища человеческая остается в том же, почти первобытном состоянии. Более или менее удобные комбинации разных продуктов питания отыскиваются как—то сами собою, или помощью поваров, метрдотелей и так называемых гастрономов, т. е., по—просту и по—русски, обжор. Наука мало или вовсе не заботится об улучшении пищи на рациональных основаниях» (588).

В Европе, по словам Бекетова, стало модой утверждать, что люди, занятые интеллектуальным трудом, должны непременно питаться смешанной, животной—растительной пищей. А в состоянии ли растительная, тяжелая, по мнению «практиков», пища способствовать росту духовных сил? Автор склонен к утвердительному ответу (589) и был, по всей видимости, прав, хотя он не мог знать, что через сто лет «физиологи—практики», гигиенисты и диетисты повсеместно будут пропагандировать растительную пищу ввиду высокого содержания балластных веществ во фруктах и овощах.

Дальнейшей темой размышлений Бекетова становится распространенное в то время убеждение, что ведущая роль Англии как культурной нации, в особенности в период индустриализации, объясняется якобы тем, что англичане потребляют большое количество мяса. Не заключается ли это на основании ошибочного правила *cum hoc ergo propter hoc**? – спрашивает Бекетов. Прочных основ для данного мнения не существует. О пище людей, действительно заслуживших признание человечества, мы имеем данные самые жалкие. Однако мы получаем из книг множество сведений о трапезах великих властителей и завоевателей. «Мы знаем, например, что ели Аттила и Наполеон I, как один поглощал полусырую конину, а другой любил особенно зажаренных цыплят (*poulets a la Marengo*)». Знаем мы и о то, чем отягчал свой желудок Лукулл, но о скромных трапезах Сократа можем только догадываться. «Мы позволяем себе, однако же, предполагать, что в стране огромных ростбифов и бараньих котлет, этими благами пользуются и пользовались преимущественно не мыслители, не члены лондонского королевского общества, а герои биржи и обитатели Сити» (590).

*После этого – значит вследствие этого (*лат.*)

Действие, которое оказывает обильное потребление мяса на разум и душу английского высшего общества, занимало еще Н. М. Карамзина. В «Письмах русского путешественника» (1791) герой спросил у официанта салату: «Но мне подали вялую траву, облитую уксусом: Англичане не любят никакой зелени. *Рост—биф, биф стекс* – есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами». В этой любви к мясу Карамзин видит – наряду с климатом и «дымом от угольев» – одну из причин английского сплина¹⁰.

Значительное место [в своей статье] Бекетов отводит масштабному рассмотрению параллелей между способами питания и цивилизованностью, начиная с первобытного общества и заканчивая современностью. Культурный скачок, как следствие перехода к земледелию, по оценке Бекетова, не столько основывается на свойствах пищи, сколько объясняется большим напряжением умственных сил, изобретательностью, которых требовали земледелие [взять хотя бы трудности с орошением в крупных речных культурах. – П. Б.] и облагораживание диких растений. Ученый указывает на привычки в питании цивилизованных народов древности (Китай, Индия), а также греков, в лучшие времена своей истории питавшихся с величайшей умеренностью и преимущественно растениями, за что они даже получили прозвища «малопищих» (ἰστροφάγοι) и листоедов (φυλλοφάγοι;) (599). Предрассудок о безусловной необходимости смешанной животной—растительной пищи сложился исторически, вследствие долговременной привычки зажиточных классов европейского общества, а также вследствие удобств регулирования баланса между белковыми и безбелковыми веществами, предоставляемыми этой пищей (599).

Бекетов еще раз подтверждает выведенное им правило, согласно которому населенность людьми обратно пропорциональна населенности домашними животными; он указывает на регулярное повторение в истории угрозы, которую представляют для земледельческих народов – на этот раз он говорит о народах Индии, Китая – кочующие «мясоядные» племена, живущие скотоводством (595).

Бекетов не мог быть свидетелем того, что сегодня происходит в экономике стран Западной Европы: выясняется, что и при густой населенности производство мяса может иметь крупные масштабы. В Германии потребление мяса на душу населения в период с 1800–1975 гг. возросло почти в 7 раз; с 13 до 85 кг в год. Это достигается сегодня благодаря интенсивному содержанию животных (в том числе в многоэтажных животноводческих фермах), более интенсивному производству кормов (с использованием промышленных удобрений) и ввозу кормов, соответствующему спросу ¹¹. Вероятно, Бекетов осудил бы подобное развитие дел – в рамках своей общей концепции: ведь он с сожалением и осуждением замечает, что в недавнее время в равнинной части северной Германии хлебные поля превратились в луга – ради обеспечения англичан мясом, и что Россия кормит своим хлебом Англию... (601).

В своем просвещенном оптимизме Бекетов развивает – предвосхищая теорию В. И. Вернадского о переходе к ноосфере – представление о трехступенчатом развитии человеческого рода: от века *самосохранения* в доисторический период, через век дальнейшего *сохранения рода* в новое время – до века *самосовершенствования* в будущем. Уверая в вероятности этого пути развития человечества, он предлагает читателю представить себе одного из швейцарских дикарей в доисторическом поселении на сваях на берегу Констанцского озера (эти поселения были обнаружены в 1850–е гг.). Поверили бы этому человеку эпохи неолита его современники, если бы он рассказал, что ему приснились во сне фантастические здания, башни и церкви, возвышающиеся над берегом озера и бороздящие воды озера паровые суда? (603) «Итак, повторяем, будущность за вегетарианцами, а науке предстоит великая обязанность – выработать формулу растительной пищи, вполне соответственную основным выводам физиологии» (604).

Доводы гуманности Бекетов пускает в ход лишь в конце своего исследования – и тем больше их весомость, – делая это, очевидно, совершенно независимо от формирующегося на Западе движения вегетарианства ¹². Любовь ко всему живому не вяжется с убийством бессловесного животного, отвращение ко всякому кровопролитию будет всегда первейшим признаком гуманности. Бекетов не исключает, что многие при этом могут разразиться сардоническим смехом над сентиментальностью и тому подобным. Но:

Мы все до того привыкли есть или видеть, как другие едят мясо, что нам при этом и в голову не приходит мысль об убийстве тех животных, куски которых лежат перед нами на

блюде. Там, где—то за городом, есть бойня, отвратительное, смрадное и кровавое место, где режут, дерут, рубят и цедят кровь из жил; но кто же туда заглядывает!

Там, где—то за Дунаем (...) валяются тысячи мертвых и полумертвых человеческих тел, растерзанных и всячески изможденных [ко времени Берлинского конгресса Русско—турецкая война 1877–1878 гг. только что закончилась. – П. Б.]; но что же делать, – война, необходимое зло, имеющее и свою хорошую сторону, ибо оно освежает общественную атмосферу, подобно грозе, как говорит знаменитый фельдмаршал Мольтке.

Мне кажется, что эти две бойни находятся в несравненно более тесной связи, чем то думают обыкновенно; что мясничье—ское и пушечное мясо (*la chair de la boucherie et la chair a saupon*) представляют два явления, друг друга определяющие или, по крайней мере, друг друга поддерживающие (604–605).

То же, впрочем, имел в виду Байрон:

For we all know that English people are Fed upon beef — I won't say much of beer; Because 'tis liquor only, and being far	Мы знаем: англичане искони Любители говядины и пива, Но пиво всякой жидкости сродни, И суть не в пиве, говоря правдиво, Но и войны любители они, А это стоит дорого; не диво, Что бритт и Крит обожают скот, Пригодный для убоя круглый год.
From this my subject, has no business here;	И суть не в пиве, говоря правдиво,
We know, too, they are very fond of war, A pleasure — like all pleasures — rather dear; So were the Cretans — from which I infer,	Но и войны любители они, А это стоит дорого; не диво, Что бритт и Крит обожают скот,
That beef and battle both were owing her. ¹³	Пригодный для убоя круглый год.

Предпринятое выше подробное изложение главных линий аргументации Бекетова объясняется тем, что данный трактат является первым русским рассмотрением основополагающих социально—политических и экономических аспектов вопроса питания, а также проблем, с которыми люди сталкиваются и по сей день. То, к чему призывал Бекетов – заглянуть внутрь бойни, – очень основательно сделал 14 лет спустя Толстой. Сам Бекетов занимался усиленным распространением своих идей о реформе питания в кругах учащейся молодежи, читая лекции в высших учебных заведениях ¹⁴.

Русская публицистика едва ли выразила понимание устремлений Бекетова. В журнале «Здоровье» В. Истомин упрекал «почтенного профессора», настаивая на том, что, дескать, мясная пища легче усваивается организмом. И неслучайно в Европе и США, где предпочтению отдается смешанному питанию, психическое развитие человека опережает другие страны. Сравнение с человекообразными обезьянами, по утверждению В. Истомина, еще не доказывает способность также и человека, стать вегетарианцем. Социологические и экономические аргументы А. Н. Бекетова отвергаются: не исключено, утверждает В. Истомин, что производство скотоводческой продукции достигнет такого размаха, что мясо будет некуда девать ¹⁵.

Политически—гротескную интерпретацию концепции А. Н. Бекетова можно найти в газете «Неделя». Критик уверяет, что исследование Бекетова отличается оригинальностью, широтой взгляда и гуманностью мышления. Однако развитие цивилизации на Западе ускоряется все больше, России грозит опасность отставания. «Для того, чтобы этого не случилось, нам нужна энергия, энергия и энергия, а мясная пища, по крайней мере нашему поколению, даст эту энергию больше, чем другая. Так будем же питаться мясом и оставим реформы в своей пище до более удобного времени, когда можно будет заняться „самоусовершенствованием“» ¹⁶.

Л. Н. Толстой 15 мая 1891 г. настоятельно рекомендует Черткову срочно переиздать трактат Бекетова; годом ранее, 11 мая 1890 г., у него впервые возникла идея написать книгу о еде («Об еде – книга нужна»). Когда в 1893 г. бекетовское сочинение вновь вышло из печати в издательстве «Посредник», журнал «Русское богатство» признал научность аргументации

Бекетова, но упрекал его – несправедливо – в том, что он якобы, «как и все вегетарианцы», постоянно смешивает земледельческую жизнь с растительным питанием¹⁷. «Русская мысль» выдвигала часто приводимый контраргумент, согласно которому растения тоже могут испытывать боль; следовательно, питаться должно неорганическими веществами, а до синтеза белка еще далеко. Не без основания критиковали указание Бекетова на низкую степень развития жителей Арктики, живущих мясом и рыбой: решающую роль здесь играет не питание, а климат. Но ни слова не было сказано об основных тезисах Бекетова.

Как и следовало ожидать, исследование Бекетова не рассматривается и в брошюре П. А. Баранова, вышедшей в

1952 г. и посвященной научному значению трудов Бекетова; оно лишь указано в библиографии¹⁸. Подробная статья о Бекетове в новом, в основе своей обстоятельном, биографическом словаре русских писателей (*РП*) тоже не удостаивает упоминанием его апологию вегетарианского питания¹⁹.

Помимо прочего, Бекетов, как уже говорилось выше, был автором статьи о вегетарианстве в 10–м томе энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Ефрона (1892), – одной из 200 статей под его авторством в этом издании; по его подсчетам, приведенным в этой статье, число русских вегетарианцев исчислялось десятками тысяч, «не считая народные массы, которые повсюду держатся растительной пищи».

2. Вегетарианец в сибирской ссылке? Н. Г. Чернышевский

«В книге представлена галерея великих вегетарианцев (Л. Толстой, Н. Чернышевский, И. Репин и др.)» – так гласил в 1992 г. анонс книги «Вегетарианство в России» (НК–92–17/34, предусмотренный тираж – 15 000, объем – 7 печатных листов); книга, по всей вероятности, так и не вышла в свет – по крайней мере, под этим названием. Утверждение о том, что Н. Г. Чернышевский (1828–1889) был вегетарианцем, может удивить тех, кто ознакомился с его социально—утопическим романом «Что делать?» в рамках обязательной школьной программы. Но в 1909 г. в *ВО* действительно можно было прочесть следующую заметку:

17 октября с. г. исполнилось двадцатилетие со дня кончины Николая Григорьевича [sic!] Чернышевского.

Многие из единомышленников не знают, что и этот великий ум принадлежал к нашему лагерю.

В № 18 журнала «Неделя» за 1893 г. находим следующий (интересный для вегетарианцев факт из жизни на далеком севере в Сибири покойного Н. Г. Чернышевского). «Неделя» ссылается на немецкий орган «Vegetarische Rundschau» и пишет: «В Сибири, в Колымске, близ Якутска, живет 15 лет в ссылке автор романа „Что делать?“. Ссылный владеет небольшим садиком, который он сам обрабатывает; он обращает много внимания и тщательно наблюдает за ростом своих растений; он осушил болотистую почву в саду. *Чернышевский живет продуктами, им самим добываемыми, и питается только растительной пищей.* Он живет так умеренно, что во весь год не издерживает тех 120 руб., которые отпускает ему правительство»¹.

В первом номере журнала за 1910 год в рубрике «Письмо в редакцию» было опубликовано письмо некоего Я. Чаги, указывающее на то, что в заметку в № 8–9 вкрались ошибки:

Во—первых, Чернышевский был в Сибири в ссылке не в Колымске, а в Вилюйске, Якутской обл. (.) Во—вторых, Чернышевский был в ссылке в Вилюйске не 15, а 12 лет.

Но все это (.) не столь существенно: гораздо существенней то, что Чернышевский в свое время был сознательным и довольно строгим вегетарианцем. И вот я, в свою очередь, в подтверждение того, что в эти годы ссылки Чернышевский действительно был вегетарианцем, привожу следующую цитату из книги Вл. Беренштама «Около политических»; автор передает рассказ жены капитана парохода о Чернышевском, по соседству с которым она прожила около года в Вилюйске.

«Он (т. е. Чернышевский) не ел ни мяса, ни белого хлеба, а только черный, употреблял крупу, рыбу и молоко...

Больше всего Чернышевский питался кашей, ржаным хлебом, чаем, грибами (летом) и молоком, редко – рыбой. Птица дикая в Вилюйске тоже была, но он ее и масла не ел. Он ни у кого и в гостях ничего не ел, как, бывало, ни просили. Раз только на именинах моих немного съел пирога с рыбою. Вина тоже терпеть не мог; если, бывало, увидит, сейчас говорит: «это уберите, уберите!»»².

Сверяясь с книгой Вл. Беренштама, можно установить, что в 1904 году Я. Чага во время поездки пароходом по реке Лена познакомился с Александрой Ларионовной Могилевой, женой упомянутого капитана. В первом браке она была замужем за унтер—офицером Гераси-

мом Степановичем Щепкиным. Этот ее первый муж был последним надзирателем тюрьмы в Вилуйске – месте, где Чернышевский провел в ссылке 12 лет. Разговор с ней записан дословно (краткая версия из уст самого Щепкина была опубликована С. Ф. Михалевичем уже в 1905 г. в «Русском Богатстве»). В 1883 г. А. Л. Могилова (тогда еще Щепкина) жила в Вилуйске. По ее рассказу, Чернышевский, которому от рассвета до наступления ночи разрешалось покидать тюрьму, собирал грибы в лесу. О бегстве из бездорожных дебрей не могло быть и речи. Зимой там все больше ночь, а морозы сильнее, чем в Иркутске. Овощей никаких, картофель привозили издалека скопцы по 3 рубля пуд, но Чернышевский не покупал его совсем из—за дороговизны. У него было пять больших сундуков с книгами. Летом мучение от комаров было ужасным: «В комнате, – вспоминает А. Л. Могилова, – стоял „дымокур“, горшок со всяким тлеющим хламом. Если взять белый хлеб, то сразу мошка так обсыдет густо, что подумаешь, будто икрой вымазан»³.

Удостовериться в рассказе Вл. Беренштама можно сегодня на основе тех данных, которые находим в переписке Чернышевского. В 1864 году за участие в студенческих и крестьянских волнениях 1861–1862 гг., а также за контакты с эмигрантами А. И. Герценом и Н. П. Огаревым Чернышевского присудили – после мнимой казни (какую в свое время устроили и Достоевскому) – к семи годам принудительных работ на иркутских серебряных рудниках с последующей пожизненной ссылкой. С декабря 1871 г. по октябрь 1883 г. его держали в поселении Вилуйске, расположенном в 450 километрах на северо—запад от Иркутска. Письма Чернышевского из тамошней ссылки, относящиеся к 1872–1883 гг., можно найти в XIV и XV томах полного собрания сочинений писателя; отчасти эти письма довольно длинные, так как почта в Иркутск отправлялась раз в два месяца⁴. Придется мириться с некоторыми повторами для того, чтобы нарисовать полную картину.

Чернышевский не перестает заверять жену Ольгу, сыновей Александра и Михаила, а также профессора А. Н. Пы—пина – известного историка культуры, поддерживающего семью ссылкой деньгами, – в том, что у него все хорошо: «. мне, мужчине, здоровому, не нуждающемуся ни в лекаре, ни в лекарствах, ни в знакомствах с людьми, ни в комфорте, мне здесь можно жить и без вреда моему здоровью, и без скуки, и без всяких лишений, ощутительных моему мало—разборчивому чувству вкуса». Так он пишет своей жене Ольге Сокра—товне в начале июня 1872 г., убедительно прося ее отказаться от мысли посетить его⁵. Почти в каждом письме – а их свыше трехсот – находим уверения в том, что он здоров и ни в чем не имеет недостатка, просит о том, чтобы ему не посылали денег⁶. Особенно часто писатель говорит об обстоятельствах своего питания и о буднях в ссылке: «Я пишу все о пище; потому что, я полагаю, это единственный предмет, о котором сколько—нибудь еще можно сомневаться, достаточно ли удобна мне здешняя обстановка. Более удобна, чем нужно мне по моим вкусам и надобностям (.) Я живу здесь, как в старину живали, вероятно и теперь живут, помещики средней руки в своих деревнях»⁷.

Вопреки предположениям, которые могут вызвать рассказы, приведенные вначале, в письмах Чернышевского из Ви—люйска неоднократно говорится не только о рыбе, но также и о мясе.

1 июня 1872 г. он пишет жене, что благодарен тому доброму семейству, которое старается о его еде: «Во—первых, трудно найти мясо или рыбу». На самом деле ни мяса, ни рыбы не было в продаже с апреля до октября или ноября. «Но благодаря их [того семейства] заботливости я имею каждый день достаточно, даже изобильно, мясо или рыбу хорошего качества»⁸. Важная забота, пишет он, для всех русских, живущих там, – это обед. Нет там таких погребов, в которых летом провизия сохранялась бы хорошо: «И мяса летом нельзя употреблять в пищу. Надобно продовольствоваться рыбой. Кто не может есть рыбы, те сидят иногда голодные. Ко мне это не относится. Я ем рыбу с удовольствием и счастлив этим своим физиологическим

достоинством. Но если нет мяса, люди, не любящие рыбу, могут питаться молоком. Да, и стараются. Но со времени моего приезда сюда это стало труднее прежнего: мое соперничество в покупке молока произвело оскудение этого продукта на здешней бирже. Ищут, ищут молока – нет молока; все куплено и выпито мной. Кроме шуток, так». Чернышевский покупает по две бутылки молока в день («здесь меряют молоко бутылками») – это результат доения трех коров. Качество молока, замечает он, неплохое. Но так как молоко трудно достать, то он пьет чай с утра до вечера⁹. Чернышевский шутит, но, тем не менее, между строк чувствуется, что положение с питанием даже у очень скромного человека было незавидное. Правда, хлебное зерно было. Он пишет, что с каждым годом якуты (под русским влиянием) сеют все больше хлеба¹⁰ – он родится там хорошо. На его вкус, хлеб и кушанье приготовлены довольно хорошо¹¹.

В письме от 17 марта 1876 г. читаем: «Первое лето здесь я с месяц терпел, как все здесь, недостаток в свежем мясе. Но и тогда была у меня рыба. А научившись опытом, в следующее лето я сам позаботился о мясе, и оно с той поры в каждое лето у меня свежее. – Тоже и об овощах: теперь я не имею недостатка в них. Здесь обилие дикой птицы, разумеется. Рыба – летом, как случится: иногда по несколько дней нет ее; но вообще и летом ее у меня – сколько угодно мне; а зимой она всегда есть хорошая: стерлядь и другие рыбы такого же хорошего вкуса, как стерлядь»¹². А 23 января 1877 г. он уведомляет: «Относительно пищи я с давнего времени соблюдаю те предписания медицины, какие возможно исполнять в здешней полудикой и совершенно нищенской местности. Эти люди не умеют даже изжарить мясо. (...) Главная моя пища, издавна, молоко. Я употребляю его по три шампанских бутылки в день (...) Три бутылки от шампанского это 5 У фунтов молока. (.) Можешь судить, что, кроме молока и чаю с сахаром, мне далеко не каждый день может понадобиться фунт хлеба и четверть фунта мяса. Хлеб у меня сносный. Мясо варить умеют и здешние дикари»¹³.

Трудно приходилось Чернышевскому с некоторыми из местных обычаев в еде. В письме от 9 июля 1875 г. он делится следующими впечатлениями: «Относительно стола мои дела давно стали совершенно удовлетворительны. Здешние русские позаимствовались кое—чем в своих гастрономических понятиях от якутов. Особенно нравится им поедание коровьего масла в невероятных количествах. С этим довольно долго не мог я сладить: кухарка считала необходимостью подать масло во всякие блюда мне. Я переменял этих старух (.) не помогали перемены, каждая следующая оказывалась в кормлении меня маслом непоколебима в якутском кухонном правоверии. (.) Наконец отыскалась старуха, жившая когда—то в Иркутской губернии и имеющая на коровье масло обыкновенный русский взгляд»¹⁴.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.